

Красавица некстати

Автор:

[Анна Берсенева](#)

Красавица некстати

Анна Берсенева

Нью-Йорк – Москва – Любовь #2

Это знакомо многим женщинам: и умница ты, и красавица, а жизнь почему-то не складывается, и все твои замечательные качества оказываются, в точности как сказал классик, некстати и невпопад. Именно к такому выводу о себе приходит к сорока годам Вера Ломоносова. И, обладая сильным характером, тут же решает изменить свою жизнь. Но как? Уйти с нелюбимой работы? Стать успешной бизнес-леди? Найти роскошного мужчину? Или для того, чтобы разобраться в себе, надо заглянуть в прошлое? И не только на свое, но и в прошлое своей семьи. Ведь именно отец, Игнат Ломоносов, передал Вере черты характера, которые влияют на судьбу. Любовь и бесстрашие перед жизнью – вот что было присуще Ломоносовым всех поколений...

Анна Берсенева

Красавица некстати

Часть I

Глава 1

И тут Вера поняла, что ее жизнь не просто идет, а проходит.

Это уже было с нею однажды – когда она смотрела на мужа, который кружился вокруг нее по комнате, как взъерошенный воробей, и понимала, что больше не будет с ним жить. И удивлялась только одному: почему поняла это именно в ту минуту, когда он наконец проявил равнодушие к ее жизни?

«Я давно его разлюбила, – думала она тогда. – Я давно живу с ним только потому, что он мой муж и с мужем принято жить вместе, а не врозь. Но ведь раньше мне и в голову не приходило с ним расстаться!»

А в ту минуту, когда он закрыл за собой дверь спальни – просто вышел в смежную комнату, ничего символического! – это не только пришло ей в голову, но сложилось в отчетливое намерение. Хотя что она, собственно, поняла тогда? Вера и сейчас едва ли могла бы выразить то свое понимание внятыми словами.

Впрочем, сейчас она не стала об этом задумываться. Ей было не до прошлого, даже не до такой его судьбоносной части, какой был ее тогдашний развод.

Ее жизнь снова зашла в тупик. И теперь невозможно было считать, будто это произошло оттого, что она живет не с тем мужчиной. Теперь в ее жизни не было вообще никакого мужчины, а это значило, что в такой вот глупый тупик она завела себя сама. Сознать это было неприятно, но Вера не привыкла себя обманывать. Она не делала этого даже в те годы, когда выжить можно было, только питаясь иллюзиями. Притом в буквальном смысле слова питаясь – на другую еду хронически не хватало денег. И если уж Вера тогда не привыкла к этой сладкой пище, то тем более не собиралась привыкать к ней теперь.

Но что делать со странным чувством – что жизнь не просто идет, а проходит, – этого она не знала.

Жить в сомнениях Вера не любила. Состояние сомнения было так же физически неприятно ей, как пропотевшая одежда. Когда она мыла подъезды в двух

девятиэтажных домах, то меняла халат два раза в день, перед утренней работой и перед вечерней, хотя после обеих этих работ, особенно после вечерней, меньше всего хотелось стирать халат: после мокрой тряпки пальцы не слушались настолько, что Вера едва попадала ключом в замок своей квартиры и вздрагивала при мысли о том, чтобы снова опустить их в воду.

Теперь ей хотелось поменять мысли так же сильно, как тогда хотелось поменять одежду. Если бы еще перемена мыслей тоже зависела только от усилия воли!

Вера сердито взглянула на свое отражение в стекле. Было уже десять часов утра, но ноябрь не баловал ранним светом, и окно было темным, почти как зеркало. Палисадник с облетевшими кустами сирени, клумбы, фонтан – привычный пейзаж виднелся за окном неотчетливо, сливался с Вериним отражением. Астры на клумбах цвели в эту необычно теплую осень так долго и ярко, что их цветение казалось исступленным.

Вера открыла дверь балкона и спустилась в палисадник. Собственно, это и не балкон был, а эркер – выпуклый стеклянный «фонарь» от пола до потолка, по какой-то архитектурной прихоти заменявший окно. Дверь и лесенку в палисадник сделал отец через год после того, как получил эту квартиру. Конечно, это было не положено, дом был даже не кооперативный, и распоряжаться своим жильем никому не разрешалось. Но соседи были интеллигентные, и докладывать о неположенной лесенке никто тогда не побежал. Все это Вера не помнила сама, а знала только от мамы. Когда они въехали в эту квартиру, ей было два года, и ничего она помнить не могла.

Благодаря этой лесенке Вера когда-то разрешила Тимке завести собаку. Если бы они жили в многоэтажном доме, никакой собаки ему, конечно, не видать бы: Вере казалось неправильным выгуливать животное по расписанию где-нибудь на затоптанном пятачке между гаражами и песочницей. А так – Гвидон выбегал гулять, когда хотел, и возвращался домой тоже по собственному желанию. Он был очень умный, даром что дворняжка, – научился закрывать за собой дверь эркера и зимой не выстуживал квартиру. Когда Гвидон умер, другую собаку брать не стали. Тимка к тому времени жил уже отдельно, а сама Вера не испытывала ни малейшей потребности иметь дома животное. Да и непонятно было, как можно завести собаку после Гвидона, который прожил у них пятнадцать лет, и стыдно было это делать.

Она побродила по палисаднику и вышла к фонтану. Фонтан находился в середине маленького сквера, общего для всех четырех квартир. Когда-то фонтан сделали пленные немцы, строившие дом. Они придумали его сами, без спросу, как Верин отец лестницу из эркера. И муниципальные власти – или как они тогда назывались? – согласились с этой бесполезной придумкой и подвели к фонтану воду.

Теперь фонтан был уже выключен. А однажды, лет десять назад, о нем забыли, и он работал до самых холодов. Ничего хорошего из этого не вышло: одним прекрасным утром Вера увидела, что вместо водяной струи над неглубокой чашей возвышается причудливый ледяной столб. Он так и стоял всю зиму, очень холодную в тот год, а весной жильцам стоило больших усилий добиться, чтобы в фонтане заменили лопнувшие трубы.

«Ну, и зачем я все это вспоминаю?» – сердито подумала Вера.

Она сидела на краю фонтанной чаши и машинально сметала на землю сухие листья, упавшие с деревьев – дуба, клена, вяза... Даже ясень рос у них во дворе. Когда-то из всего класса только Вера знала, как выглядит ясень. Еще она умела определять время по солнечным часам, потому что фонтан как раз и был солнечными часами: тень от центрального столба, из которого била вода, ложилась на круглую чашу в точном соответствии с движением времени. Как наполнена была жизнь в детстве и чем! Самыми простыми событиями. Когда Вера выросла, то поняла, что жизнь вообще-то наполняется только ими, а события сложные и неоднозначные, из которых она в основном и состоит, наполнить ее не могут.

К счастью, времени на глупые мысли, которые неизменно вызывают только недовольство собой, притом недовольство даже не смутное, а вполне отчетливое, больше не было. Вообще-то Верин рабочий день начинался в одиннадцать. Но такое либеральное расписание уравнивалось начальственной бдительностью: опоздание на десять минут грозило штрафом. Подвергаться такому наказанию в тридцать восемь лет казалось Вере унижительным, но все-таки это было лучше, чем выслушивать воспитательные беседы, как это бывало в предыдущей конторе, где она работала даже не редактором, а корректором.

Сухой ясеневый лист рассыпался у нее в руке. Вера поднялась с края фонтанной чаши и пошла по дорожке к дому.

Глава 2

Вообще-то Вера не понимала, как может держаться на плаву журнал с названием «Индивидуальное предпринимательство». Ей казалось, прежде чем это выговоришь, скулы сведет от скуки. Когда она только устроилась на работу, то даже предлагала главному редактору переименоваться как-нибудь поинтереснее. Хоть «Частное дело», что ли. Но редакторша посмотрела на нее как на несмышленного младенца и ничего не ответила. Видимо, сочла, что объяснение подчиненным прописных истин не входит в ее обязанности.

Редакторшу звали Аглая Звон. Выглядела она так, как в Верином представлении могла бы выглядеть начальница какого-нибудь очень стильного глянцевого журнала и как она, Вера, не будет выглядеть никогда. То есть, конечно, если подэкономить, Вера тоже могла бы купить хотя бы один такой костюм, как у Аглаи, и сделать такую же прическу с эффектно колорированной челкой... Хотя нет, прическу Вера в любом случае оставила бы свою, волосы у нее были хороши и без колорирования. К тому же они когда-то нравились папе – он мало чем любовался, а дочкиными густыми каштановыми волнами любовался всегда, – и никакие веяния моды не значили для Веры больше, чем папино мнение. Но, в общем, она могла бы одеться и причесаться как-нибудь похоже на Аглаю. Только это совершенно ничего не значило бы... Тот лоск непринужденной элегантности, который лежал на всем облике ее начальницы, не дался бы Вере никогда. Ей неприятно было ловить себя на том, что из-за этого она Аглае завидует, но приходилось признать, что это именно так. По сравнению с Аглаей она, безусловно, выглядела простушкой. Такова была разница их природы, и с этим ничего нельзя было поделать.

Переименовывать журнал Вера больше не предлагала. Да и никаких мер по его улучшению не предлагала. В конце концов, работу свою она не любит, ну и нечего проявлять неуместный энтузиазм. Начальству виднее. Да и журнал, несмотря на скучное название, существовал безбедно: неплохо продавался, собирал рекламу и подписку.

Редакция арендовала половину этажа в офисном здании на Юго-Западе. Высокий параллелепипед из тусклого стекла и серого бетона казался Вере таким же безликим, как и весь этот район. Хотя Юго-Запад считался более

престижной местностью, чем Хорошевка, где она жила.

Вместе с Верой в комнате сидели еще три сотрудницы, а в смежной комнате работали компьютерщики. Это вносило в ежедневное существование Вериних соседок некоторое оживление: компьютерщики были единственными мужчинами в редакции, к тому же все они являлись холостяками. Правда, Вера была уверена, что никто из них не собирается жениться, во всяком случае, на дамах из соседней комнаты, но объяснить это сослуживицам не представлялось возможным. Да она и не пыталась. Зачем? Надежды девушек питают.

Вера вошла в комнату последней – дамы уже сидели на своих местах. В ответ на ее «привет» нестройно поздоровались все, кроме Инны. С ней у Веры месяц назад случился конфликт, который вяло тянулся до сих пор. Дело было в том, что они с Инной вместе готовили материалы для рубрики «А как у них?». Часть этих материалов – перевод и рерайт статей из западных изданий – оплачивалась, а другую часть – анонсы, оглавление, заголовки – приходилось делать бесплатно, в нагрузку. И как-то незаметно получилось, что вся эта бесплатная нагрузка досталась Вере, поэтому ей приходилось делать вдвое большую работу, чтобы получить те же деньги, которые Инна получала за работу вдвое меньшую. Притом бесплатная эта работа была совсем не легкой. Попробуй-ка придумай живенький заголовок к статье о нормах прибыли в торговле канцелярскими товарами!

В общем, месяц назад Вера не выдержала и решила поговорить с Инной. Она ожидала чего угодно – неловкости, обиды, даже скандала, но никак не той невозмутимости, с которой Инна отнеслась к ее демаршу.

– А я заголовки и анонсы в принципе не делаю, – спокойно заявила та. – Я здесь три года работаю и никогда не делала. И теперь не собираюсь.

– Что значит не собираешься? – Вера даже опешила от такой самоуверенности. – А я, по-твоему, всю жизнь мечтала заголовки придумывать?

– Не знаю, о чем ты мечтала всю жизнь, но сюда тебя взяли именно для этого. Если не успеваешь статьи переводить – пожалуйста, я могу и одна. А ты занимайся только анонсами и заголовками. И оглавлением.

– Бесплатно? – усмехнулась Вера.

– Тебе зарплаты не хватает? Поговори с Аглаей. Может, добавит.

Взгляд у Инны был не только невозмутимый, но даже какой-то непроницаемый. В ее глазах, как в зеркалах, отражалась комната, вся как есть, с компьютерами, выкатными тумбочками, степлерами на столах и папками в шкафах.

– Поговорю, – пообещала Вера. – Можешь не сомневаться.

Инна только плечами пожала. Похоже, она не сомневалась ни в чем, что касалось ее благополучия. Она была уверена в своем праве на это благополучие, все в ней – от зеркальных глаз, обрамленных дорогой тушью, до делового костюма, тоже дорогого, – словно вслух говорило о такой уверенности, и вряд ли кто-нибудь мог ее в этом разубедить. Уж точно не Вера.

Разговор с Аглаей тоже ни к чему не привел.

– Разбирайтесь сами, – заявила начальница. – В принципе, Инна и без тебя справится, так что можешь отдать весь рерайт и переводы ей.

Отдавать нетрудную платную работу, оставляя себе трудную бесплатную, Вера, конечно, не хотела. Поэтому, внутренне кипя от возмущения, продолжала тянуть свои заголовки и анонсы, время от времени, примерно раз в неделю, повторяя попытки усюветить коллегу. Это привело лишь к тому, что Инна перестала с ней здороваться и стала смотреть сквозь нее так, будто Вера была стеклянная. Вера, впрочем, тоже привыкла не обращать на Инну внимания.

И что такое случилось сегодня, что ей так невыносимо стало видеть Иннины непроницаемые глаза?

«Это моя жизнь? – с какой-то даже растерянностью подумала Вера. – Вот для этого я на свет родилась? И папа, и мама, и все?..»

Думать, что какая-то долгая, ей неизвестная, теряющаяся в тумане прошлого череда людей была на этом свете для того, чтобы мутилось теперь в каком-то безликом офисе какое-то унылое недоразумение между чужими друг другу и совершенно друг другу ненужными бабами, – думать так было для Веры сплошным мученьем.

Она иначе представляла себе жизнь.

Но для кого это имело хоть какое-то значение?

Вера включила компьютер, проверила почту, открыла статью, которую должна была сегодня перевести... Она надеялась, что все эти привычные действия потихоньку отодвинут мысль, так некстати пришедшую сегодняшним утром. Напрасно надеялась.

Ее жизнь не просто идет, а проходит. И с этим ничего нельзя поделать.

Обедать вся редакция ходила в грузинское кафе через дорогу от офиса. Только Аглая ездила в какой-нибудь ресторан, французский или итальянский. Вообще-то она любила японскую кухню, но с тех пор, как отравилась суши, стала говорить, что питаться по-японски надо в Японии или хотя бы в Европе, а Москва для этого совершенно не приспособлена.

– Поменьше понтов, девчонки, – заметил на это компьютерщик Гена. – На хрена вам японцы с итальянцами? У Резо отличная кухня, сациви – здоровая пища.

– Все мужчины вспоминают о здоровой пище, когда не хотят тратить деньги на женщин, – сморщила носик корректорша Галя Литвинова. – Ты еще предложи, чтобы я свининки купила и у тебя дома быстренько поджарила.

– Не дождетесь, – хмыкнул Генка. – Мой дом – моя крепость.

Так, беззлобно и лениво переругиваясь, они стояли в длинной очереди у лифта. Обед во всем огромном здании начинался почему-то в одно время, и лифты всегда оказывались перегружены. Кто-то старался выскочить из офиса на пять минут раньше, кто-то спускался пешком по узкой лестнице, но большинство выстраивались в очередь. Вера относилась к большинству – просто потому, что ей не хотелось думать всю первую половину дня, как бы пораньше ускользнуть на перерыв, встречая при этом осуждающие взгляды коллег, и еще меньше хотелось тащиться с одиннадцатого этажа пешком, цепляясь каблуками за выщербленные ступени. Она с юности любила очень высокие тонкие каблуки, хотя ростом и так была выше среднего.

– Верунчик, что это ты сегодня такая смурная? – Генка отвлекся от Гали и обратил взор на Веру. – Проблемы с сексом? Не переживай, все в твоих руках.

При последних словах он ухмыльнулся. В этом не было ничего необычного – Генка всегда был похабником. Но сегодня его ухмылка показалась Вере такой глумливой и вместе с тем невыносимо скучной, что она чуть не заплакала.

«Да что это со мной? – сердито подумала она. – Климакс, что ли, начинается? Так вроде бы рано».

Климакс в тридцать восемь лет – это в самом деле было маловероятно. Но стоило Вере вспомнить эту цифру – тридцать восемь, – как настроение у нее испортилось окончательно. Даже не настроение, а... Все у нее испортилось! Вся ее жизнь, с таким трудом налаженная правильным образом, вдруг разладилась, пошла наперекосяк, и все из-за одной глупой мысли про то, что жизнь не просто идет, а проходит...

– Я пешком пойду, – сказала она.

– Да брось ты, Вер, – махнул рукой Генка. – Обиделась, что ли?

– Для гимнастики. Здоровый образ жизни.

– Хорошенькое здоровье – на лестнице заплеванной, – протянула Галя. – То, что доктор прописал!

– Еще изнасилует кто, – не преминул добавить Генка. – Давай спорнем: мы лифта быстрее дождемся, чем ты пешком дойдешь. Галь, разними. – Он протянул руку, словно Вера только и мечтала, как бы заключить с ним идиотское пари.

Не обращая внимания на Генкину руку, Вера вышла из лифтового холла и пошла вниз по лестнице.

Хорошо, что погода стояла совсем необычная для ноября. Свет был тусклым, воздух теплым, и даже то, что он почти и не воздухом был, а туманом, почему-то лишь проясняло сердце и ум.

«Я иначе представляла себе жизнь», – снова подумала Вера.

Выйдя из здания, она не пошла к кафе, а свернула за угол и теперь вот бесцельно брела по чахлому скверику.

Эти слова – про жизнь, которую представляешь себе иначе, – она помнила с детства, с тех пор как в десять лет впервые прочитала «Три товарища» Ремарка. Потрясение от этой книги было тогда таким сильным, что она перечитала ее три раза подряд и запомнила чуть не наизусть. Эти слова произносил в книжке мелкий клерк Хассе – когда, совершенно уничтоженный вечным страхом потерять работу и попреками жены, приходил посидеть полчаса у соседа Роберта Локампа. «Я иначе представлял себе жизнь», – говорил Хассе. «Да ведь это со всеми так бывает», – отвечал Роберт Локамп.

Только теперь, в тридцать восемь лет, Вера поняла, что это значит. Она вдруг присоединилась к бесконечной череде «всех», которых настигло это страшное разочарование – обманувшая жизнь. Но почему, в самом деле, это осознание ледяной тоской легло ей на сердце именно сегодня, вот что было непонятно! В конце концов, она ведь и год назад работала в журнале «Индивидуальное предпринимательство», и на той же самой должности, и было ей тогда тридцать семь лет – с тридцатью восемью никакой разницы.

Вера села на скамейку, засыпанную опавшими листьями. Листья были бурыми и казались поэтому сухими, но на самом деле они были тяжелыми от тумана, как и все вокруг.

До сих пор все, что Вера осознавала в своей жизни, она всегда осознавала через события. С ней что-нибудь происходило – и сознание ее менялось, и она тут же меняла свою жизнь. Именно так это было четыре года назад.

Вера была замужем почти пять лет, и ничего удивительного, что замужество стало для нее привычным. Это вначале, в первые месяцы знакомства с Димой,

она волновалась, и ночей не спала, и на работе в издательстве сидела с глуповатым отсутствующим взглядом. А потом все... ну, не то чтобы совсем прошло, но как-то вошло в обычную колею. В этом было, конечно, что-то разочаровывающее, но к тому времени, когда она вышла за Диму, Вера уже смотрела на жизнь без каких бы то ни было иллюзий. Характер у Димы был немного занудный, но все-таки не сварливый, он любил вкусно поесть, но все-таки не попрекал жену, если та не выстряпывала борщ, а наскоро готовила суп из бульонных кубиков, он ходил дома в линялых спортивных штанах, игнорируя штаны новые, специально купленные Верой, но все-таки не в трусах же, и какой мужчина не ходит дома в спортивных штанах, и что в этом страшного?

А главное, у него установились хорошие, ровные отношения с Тимкой, а это совсем не само собой разумелось, потому что Верино замужество пришлось как раз на Тимкины подростковые годы. Он вообще необычный был мальчишка, ее сын, вполне могли возникнуть проблемы с отчимом. Но – не возникли. Правда, Дима не таскал Тимку в лыжные походы и не мастерил с ним по выходным скворечники. Но он и сам ни в какие походы не ходил и мастерить ничего не умел. Если дома ломался кран, Вера вызывала слесаря и не видела в этом ничего ужасного – на то и слесарь, чтобы кран чинить. Зато Дима не вмешивался в Тимкину жизнь и не пытался вылепить из мальчишки что-нибудь по собственному образу и подобию.

В общем, четыре с половиной года Вера прожила с ним хорошо и спокойно.

И вдруг что-то переменялось. То есть переменялось не вдруг, а так постепенно, что Вера не сразу и осознала эту перемену.

Дима стал ходить к своему бывшему однокласснику Жорке Смирницкому. Жорку этого он видел после школы раз или два, да и то мельком. А тут вдруг пересекся с ним по служебным делам – Дима работал логистом в таможенном комитете – и сходил вместе попить пивка в пятницу вечером, а в следующее воскресенье сходил в гости – Жорка собрал одноклассников на мальчишник, а потом заглянул после работы среди недели... Через три месяца Вера с удивлением обнаружила, что ее муж почти не бывает дома вечерами, а в выходные она видит его только утром и поздно вечером – остальную часть дня он проводит у Жорки. Потом она с еще большим удивлением поняла, что Димина зарплата сократилась как-то уж слишком существенно. Вера не стала гадать, в чем тут дело, а немедленно спросила мужа, что, собственно, происходит.

– Ничего, – пожал плечами Дима. – Ну, заглянул к товарищу, что особенного? У нас там своя компания. Без баб, между прочим. Ревновать не к кому. Или ты волнуешься, чтоб я гомиком не заделался?

– Я волнуюсь, чтобы ты... – начала было Вера.

И замолчала. А о чем она, собственно, волнуется? О том, что у мужа появились какие-то собственные интересы, отличные от привычного лежания перед телевизором?

– Я волнуюсь, что ты начал выпивать, – сказала она.

Это была правда. Дима всегда приходил от Жорки слегка под градусом. Но тоже – не до положения риз ведь. У него даже язык не заплетался, так, глаза немного мутнели.

– Ну ты даешь! – искренне удивился Дима. – В выходной пивка попить – это, по-твоему, выпивать?

– Вчера ты водку пил.

– Хватит, а? – недовольно поморщился Дима. – Спроси любую бабу, она тебе расскажет, что такое, когда муж пьет.

Это тоже была правда. Но Вера не отставала. Она привыкла до конца выяснять все, что ее беспокоило.

– А деньги? Тебя что, понизили в должности?

Тут Дима слегка скис. И Вере не составило большого труда выяснить, что к Жорке он ходит не просто так, а играть в преферанс.

– Не в домино же! – попытался возмутиться Дима. – Для преферанса мозги нужны. И не до трусов же проигрываюсь. На хозяйство даю, шубу ты купила. Другая бы радовалась, что у мужа интересы есть, а ты... И вообще, Вер, – добавил он, – мы с тобой пять лет уже живем. Тебе что, до сих пор надо, чтоб я каждый вечер дома сидел?

Он смотрел на нее мутноватым, но в общем осмысленным взглядом, живот слегка нависал над ремнем его брюк... Вера не знала, надо ли ей, чтобы он каждый вечер сидел дома.

– Мне надо, чтобы ты не спился, – все-таки сказала она. – И азартные игры, между прочим, тоже болезнь. Как алкоголизм и наркомания.

– Брось ты, – махнул рукой он. – Нашла наркомана!

В общем, Дима был прав: он в самом деле не увлекался преферансом настолько, чтобы это можно было считать не только болезнью, но даже зависимостью. Просто его жизнь как-то полностью переместилась в другую область. И в этой другой области Вере не было места...

Сначала это ее уязвляло, потом стало тяготить, а потом показалось оскорбительным и просто невыносимым. Она даже плакала из-за этого ночами. В конце концов, она его любила, своего мужа! Любила, несмотря на животик, несмотря на пристрастие к лежанию на диване, который он называл своим четвероногим другом, любила со всеми его обыденными привычками и легко извиняла ему мелкие недостатки. Она была хорошей женой, ему совершенно не из-за чего было пренебрегать ею!

– В конце концов, я хочу пойти в театр. – Вера лежала на кровати в спальне, прижимая телефонную трубку плечом к уху, и обеими руками нервно теребила край шелкового покрывала. – Или хотя бы просто прогуляться в новой шубе. Что в этом особенного?

– Ничего. – Наташкин голос звучал в трубке сочувственно. Верина подруга никогда не была замужем, но обожала выслушивать рассказы про чужую семейную жизнь. В отличие от большинства старых дев она относилась к проблемам этой неизвестной ей жизни не с завистью, а с сочувствием. – Ну правда, Вер, ты ему так и скажи! Пусть в театр сводит. Или там в ресторан.

– Думаешь, я не говорила? – Вере хотелось плакать от собственного бессилия. – У него в одно ухо влетает, в другое вылетает. Я ему в принципе не нужна, понимаешь? В принципе! И любовь моя на фиг ему не нужна.

Наташка сочувственно вздохнула.

- Ладно, - вздохнула и Вера. - Что впустую воздух сотрясать? Давай лучше сами в театр ходим. В «Эрмитаж» или в «Современник». Заодно шубы прогуляем! - почти развеселилась она.

- Давай! - тут же обрадовалась Наташка. - А билеты?

- Мы завтра после работы ходим. А билеты я перед работой возьму. У нас театральная касса в подземном переходе.

Дверь спальни открылась - вошел Дима. Он был не в спортивных штанах, а в брюках и свитере. Наверное, хотел предупредить Веру, что уходит к Жорке. Хотя в последнее время он уже и не каждый раз ей об этом сообщал. Может, считал, что это само собой разумеется.

- Ладно, пока, - поспешно сказала Вера. Ей почему-то не хотелось, чтобы Дима расслышал в ее голосе интонации тоски и решимости. - Потом точнее договоримся.

Она положила трубку.

- С кем это ты? - вдруг спросил Дима.

- С Наташкой.

Вера постаралась ответить равнодушным тоном. Кажется, это не очень ей удалось - равнодушие прозвучало нарочито.

- Да?

- Да. А что?

- Ничего. Идешь куда-то?

- Никуда не иду, - пожала плечами Вера. - Это ты куда-то идешь.

Она надеялась, что на эти ее слова он скажет, куда направляется. Хотя это, в общем-то, и так было понятно. Но Дима ничего не сказал и молча вышел из комнаты. Равнодушное молчание мужа еще больше испортило Вере настроение, хотя больше уже, кажется, было некуда.

«Надо было прямо сегодня в театр пойти, – чуть не плача, подумала она. – Может, перезвонить Наташке?»

Но тут же вспомнила, что сегодня Наташка собирается навестить тетю, которая попала в больницу с переломом шейки бедра. И неудобно требовать, чтобы она меняла свои планы из-за такой ерунды, как Верино настроение.

Настроение надо было попытаться поправить самой. Средств для этого было, правда, немного, потому что Вера не испытывала потребности ни заливать тоску вином, ни заедать сладостями. Конечно, это было удобно – ей не грозило ни спиться, ни растолстеть, – но из всего женского настроенческого арсенала ей оставались только тряпки.

«Раз шубу не выгуливаю, надо хоть платье вечернее надеть», – подумала Вера.

Эта мысль ее почти развеселила. В конце концов, она нормальная женщина. Ну, обидел муж, и лежит поэтому на сердце тоска. Но даже сквозь тоску это платье – вообще-то не вечернее, а платье-коктейль, но все равно невероятно красивое, – купленное на прошлой неделе и ни разу еще не надетое, развлекало ее воображение.

Вера достала платье из шкафа, надела его и посмотрелась в зеркало, прикрепленное к дверце шкафа изнутри. Все-таки в свои тридцать четыре выглядит она прекрасно! Спасибо папе – наградил высоким ростом и тем труднообъяснимым, но очевидным качеством внешности, которое называют статью. И волосы красивые – непонятно, кстати, в кого, у родителей волосы были прямые и русые, и у брата точно такие же, а у нее вот как-то получились эти блестящие каштановые волны... И ноги стройные, все мужики заглядываются, а один, встреченный вчера на улице по дороге с работы, даже пропел ей кусочек дурацкой песенки: «Ай-яй-яй, девчонка, где взяла такие ножки?» – и нахально подмигнул. Это было приятно – Вера вернулась вчера домой в хорошем настроении. Которое, впрочем, тут же прошло, когда она увидела, что мужа, как обычно, дома нет.

Чтобы улучшить настроение сейчас, Вера вынула из стоящей в шкафу коробки еще и новые туфли. Они были, как и вся ее обувь, на высоченной шпильке, но отличались от остальных ее туфель фасоном. Эти туфли были такие неглубокие, что обрамляли ступню лишь по самому краю. Такая вот почти полная открытость ступни выглядела соблазнительно и, как с удовольствием подумала Вера, даже более сексуально, чем глубокое декольте платья.

Она прошла по спальне, поглядывая на себя в зеркало. Походка у нее была стремительная, это чувствовалось даже в небольшой комнатке, подол платья разлетался, приоткрывая колени, а легкие шифоновые рукава обрисовывали плечи.

Вера прошла по комнате еще раз, туда и обратно, побыстрее. Эффект стремительности усилился. Нет, она себе, безусловно, нравилась, и все больше нравилась!

В квартире стояла тишина. Тимка уехал на каникулы в зимний лагерь, а...

«А Дима ушел, – подумала Вера. – Какие они все-таки дураки, эти мужчины! Ну что им надо?»

Она открыла дверь спальни и с той же стремительностью, которая так улучшила ей настроение, вышла в общую комнату.

И замерла в двух шагах от порога.

Комната эта называлась гостиной или столовой. Правда, гости бывали в доме не так уж часто и в основном у Тимки, а домашние столовались не в комнате, а в кухне. Но такое двойное название осталось с тех времен, когда главными в этом доме были родители, а Вера с братом полностью умещались в круге их жизни. Не то чтобы гости приходили к родителям ежевечерне или семейные обеды были парадными... Но название гостиная-столовая обозначало тогда какую-то несбывшуюся жизнь. Так говорил папа, и Вера запомнила его слова, хотя, конечно, не поняла тогда, что они означают. И сохранила название главной комнаты таким, каким оно было при папе. Да, в конце концов, и в ее собственной жизни было много несбывшегося.

И вот теперь она вышла в гостиную и изумленно остановилась у порога.

Оказывается, ее муж никуда не ушел. Он сидел на диване и мрачно смотрел на Веру. Вот именно мрачно, исподлобья, недоверчиво – так он смотрел.

– Ты не ушел? – растерянно спросила Вера.

– А ты, конечно, хотела! – все так же мрачно усмехнулся Дима.

– Нет, я не хотела, но я думала...

– Думала, я уйду, – перебил он, – и ты пойдешь куда договорилась. Скажешь, нет?

Вера молчала. Она не могла опомниться от изумления.

– Вон как начепурилась! А я вот никуда не пойду!

Он вскочил с дивана и прошелся по комнате, полукругами обходя жену и словно не решаясь к ней подойти. Теперь он напоминал взъерошенного, задиристого воробья, который никак не отважится подобраться поближе к лежащей на асфальте хлебной корке, потому что не знает, не принадлежит ли корка кому-нибудь другому и чем это ему грозит.

Это выглядело так смешно, что Вера не удержалась и фыркнула.

«Да он же меня просто ревнует! – вдруг поняла она. – Господи боже мой, он меня ревнует!»

Ее охватил такой восторг, как будто муж не приревновал ее к несуществующему сопернику, а сделал ей неожиданный и сногшибательный подарок – бриллиант, что ли.

Она стояла посередине комнаты, как новогодняя елка, и, как елка, искрилась счастьем. Что-то произошло – в ней самой, в воздухе комнаты... В жизни!

И тут другая догадка, гораздо более отчетливая и ясная, чем даже догадка о его ревности, пришла ей в голову.

«Я больше не буду с ним жить, – подумала Вера. – Он мне совсем не нужен».

В этом неожиданном решении не было никакой логики. По естественной женской логике, в которой Вера знала толк, она должна была бы использовать свою неожиданную догадку о мужниной ревности с максимальной пользой. Ведь просто дух захватывало при одной мысли о том, какие горизонты открывала эта догадка! Теперь ничего не стоило добиться, чтобы Дима забыл дорогу к проклятому Жорке, чтобы проводил и вечера, и выходные-праздники дома, чтобы водил жену в театры и в рестораны не то что по первому требованию, но по едва заметному движению ее брови, чтобы... Да мало ли чего можно было теперь добиться! Новая жизнь маячила перед нею.

Но в этой новой жизни Дима был ей не нужен.

Тогда, четыре года назад, Вера ушла от мужа через месяц. Вернее, ровно месяц понадобился ей для того, чтобы он понял, что может отправляться в свою квартиру, потому что Вера его больше у себя не задерживает. Ну, и для того чтобы выселить из его квартиры жильцов – все пять лет Дима квартиру сдавал и клал деньги себе на счет, – тоже потребовалось какое-то время.

А то, что он при этом возмущался – точно так же, как в тот первый день, словно взъерошенный воробей у хлебной корки, – это не имело теперь никакого значения. Вера запомнила, как что-то переменялось в ней и переменялось в жизни, и никакое возмущение бывшего мужа не могло затмить то ее ощущение. Она его разлюбила. Если вообще любила когда-нибудь; теперь, по прошествии лет, Вера не была в этом уверена.

Но ведь тогда это отчетливое чувство – что надо изменить свою жизнь – было связано с какими-то событиями. Разлад, ревность, развод... А что произошло теперь, вот сегодня утром? Да ничего не произошло! И почему она в таком случае сидит в одиночестве на скамейке, вместо того чтобы пойти пообедать и продолжать свою жизнь, которую с таким трудом наладила?

– Что, красивая, скучно живешь?

Вера вздрогнула и подняла глаза. Перед ней стояла молодая беременная цыганка и смотрела нагловатым, заискивающим и одновременно угрожающим взглядом.

«Этого еще не хватало! – подумала Вера. – Хотя удивляться нечему...»

Цыганки всегда обходили ее стороной – чувствовали, что от этой женщины им не выйдет толку. И были правы. Вера с недоумением читала газетные истории о каком-то якобы неодолимом цыганском гипнозе, подчиняясь которому кто-то выносит из дому драгоценности и деньги, отложенные ребенку на операцию. Люди, способные на такое, казались ей даже не психически больными, а просто идиотами и потому не вызывали ни малейшего сочувствия. Самой Вере достаточно было посмотреть в сторону любой быстроглазой мошенницы, чтобы та немедленно от нее отстала. Да необязательно было и смотреть – в чем цыганкам невозможно было отказать, так это в феноменальной догадливости. Поэтому к Вере они обычно не приближались.

А теперь вот пожалуйста! Видно, ее уныние было таким сильным, что чувствовалось даже на расстоянии.

Отвечать цыганке она не стала. Но уныние, пробившее брешь в Вериной крепкой самообороне, было слишком заметно. Цыганка не отставала.

– А конечно, будешь скучно жить, тяжело жить, – заявила она. – Зачем сама все делаешь?

– В смысле? – Вера все-таки не выдержала и вслух удивилась этим словам.

– Пусть мужчина за тебя делает, – объяснила цыганка. – Пусть деньги дает, платья красивые покупает, в ресторан ведет, на море везет. Ты красивая, можешь мужчину найти. Зачем самой все делать?

– Иди ты на фиг, – сердито сказала Вера. И добавила с насмешливой назидательностью: – Так поступают только женщины легкого поведения.

– А ты какого поведения? – усмехнулась цыганка. – Тяжелого?

- Что-то ты для попрошайки больно умная. Ладно - на.

Вера расстегнула сумочку и достала кошелек. Гипноз был здесь совершенно ни при чем. Кошелек она держала крепко и отдавать его цыганке не собиралась. Просто ей хотелось поскорее отвязаться от тетки, которая так назойливо напоминает ей о том, что она поняла сегодня и сама, - что ее жизнь идет и проходит.

Деньги мгновенно исчезли у цыганки в руке, будто растерлись между пальцами.

- Спасибо, красивая, - довольно сказала она.

Цена философской беседы оказалась невысока. Получив свое, цыганка двинулась дальше по скверу, выискивая очередные жертвы. А Вера встала со скамейки и пошла обратно в офис. Пообедать она уже не успевала, так что оставалось только выпить чаю в одиночестве, пока не нагрянули сослуживцы.

Глава 4

Когда Вера вернулась с работы, Тимка был дома.

Она издали увидела свет в эркере и обрадовалась. Сын бывал дома так редко, что его появление иначе как радостью назвать было нельзя. Если, конечно, сегодняшнее его появление не связано с каким-нибудь чрезвычайным происшествием. Подумав об этом, Вера встревожилась и быстрее пошла по дорожке к дому.

Но оказалось, что мальчик зашел просто так - соскучился. Ну и проголодался, наверное. Когда Вера вошла в квартиру, он ел жаркое ложкой из кастрюли и запивал компотом прямо из кувшина.

- Тимка, бессовестный! - воскликнула Вера. - Почему не разогрел?

- Компот вкуснее холодный, - ответил Тим. - Привет, ма.

Он поцеловал Веру, а она щелкнула его по лбу и сказала:

- Не лови меня на слове.

- А на чем же мне ловить? - поинтересовался Тим. - Зря, что ли, филфак закончил?

- Не знаю, зачем ты филфак закончил, - вздохнула Вера. - Скажешь, нравится тебе в школе работать?

- Да ладно, ма, - поморщился Тимка. - Что я еще мог закончить, если в математике полный дуб? Будто сама не понимаешь.

О том, что филфак он выбрал, чтобы быть поближе к стихам - так называла это Вера, - Тимофей помалкивал. Он вообще не любил говорить о том, что сильно затрагивало его сердце. А стихи затрагивали его очень сильно. Они самым его сердцем и были, стихи, и вся Верина тревога за сына была связана только с этим. Во всем остальном Тимофей не давал никаких оснований для тревоги. Он не боялся бытовых трудностей - может, потому, что просто не обращал на них внимания, искренне их не замечая; он с детства умел за себя постоять, потому что не только ростом, но и характером удался в мать, то есть в деда.

Вера с самого Тимкиного детства понимала, что ее сын - мужчина, каких мало и каких ей, во всяком случае, как женщине, встречать не приходилось. Это очень тешило ее материнское самолюбие, хотя она понимала и другое: ее личной заслуги в этом немного. Тим родился мужчиной, он был таким изначально, и даже если бы Вера тряслась над ним, как над тепличным помидором, он вряд ли изменился бы. Ну да она и не делала глупостей, воспитывая сына. Отчасти потому, что на глупости у нее просто не оставалось ни времени, ни сил, но главным образом благодаря природному здравому смыслу.

- Что же ты не позвонил? - крикнула Вера из спальни, куда ушла переодеваться. - Я хоть суп сварила бы.

- Ничего. Эта - что там, картошка? - тоже хороша, - ответил Тим.

– Чем же тебя твоя девушка кормит? – поинтересовалась Вера, снова входя в кухню. – Если тебе картошка и та хороша?

Живя одна, она, конечно, не выстряпывала для себя изысканных блюд. Да она и вообще ничего для себя не варила бы, но от фаст-фуда и полуфабрикатов у нее сразу начинал болеть живот, поэтому приходилось готовить хоть что-нибудь самое незамысловатое, но домашнее.

– Какая разница? – улыбнулся Тим. – И вообще, ты про которую девушку?

– К которой ты из дому ушел.

– Как торжественно! – засмеялся он. – Прямо-таки ушел! Можно подумать, я в хиппи подался. Да ну, мам, девушка у меня с тех пор уже не помню которая. А готовит что?.. Это несущественно.

В том, что он не лукавит, сомневаться не приходилось. Скорее всего, он даже и не замечает, что готовят девушки, с которыми он живет.

Вообще-то Вера предпочла бы, чтобы сын в его двадцать три года раз уж не женится, то жил бы в родном доме, а не на каких-то маловразумительных квартирах. Снимать квартиру он не может, на это не хватает его учительской зарплаты. Значит, живет в каких-нибудь странных жилищах неизвестной принадлежности или, в лучшем случае, в квартирах, которые достаются его то и дело сменяющим друг друга девушкам после смерти их бабушек. И то и другое казалось Вере бесперспективным. Однажды она даже предложила сыну разменять их квартиру. Но тот отказался категорически. По правде говоря, у Веры отлегло от сердца. Она не могла относиться к этой квартире как к обычной жилплощади, которая имеет цену и потому может быть обменена на другую жилплощадь. Это был особенный дом, отцовское пристанище, и Вера порадовалась, что Тим это понимает.

Но решать что-то с его жильем было необходимо, раз уж он не хочет жить у мамы под крылышком. А что она могла решить? Денег, которые позволили бы купить для Тима квартиру, ей было не заработать никогда. Ее инязовское образование так же мало способствовало подобным заработкам, как и Тимкино филфаковское.

– Но ты же не прямо сегодня уйдешь? – вздохнула Вера. – Переночуй хотя бы. Расскажи, как ты живешь.

– Ага, – кивнул Тим. – Не уйду сегодня. Я по тебе соскучился. Только рассказывать особо нечего. В школе тоска – детей жалко. Директриса дура. Порядки бабские. И сделать ничего нельзя.

– Просто это не твое дело, – сказала Вера. – Это не значит, что оно плохое. Оно не твое, вот и все.

– Наверное, – не стал спорить Тим.

– А... пишешь ты? – осторожно спросила Вера.

Тим засмеялся. Смех совершенно его менял: обычная суровость всех черт мгновенно исчезала, и лицо становилось мальчишеским. Вера знала, что суровость вообще-то ему и не присуща. Просто все внешние черты у него дедовы, оттого и суровость на лице. А среди тех внутренних черт, которые он тоже унаследовал от Вериного папы, суровости как раз нету.

– Ма, расслабься, – сказал он. – Про стишки можешь без придыхания спрашивать. Пишу, куда я денусь.

– Дай хоть почитать.

– Дам. Хоть всю ночь можешь наслаждаться. Новых много.

Он всегда говорил о стихах как-то торопливо, и Вера понимала, почему. Стихи были для него слишком серьезным делом, чтобы он мог изображать небрежность по отношению к ним, особенно перед мамой, которая отлично разбиралась в его интонациях. Но говорить о таком серьезном, таком в глубине сердца живущем деле с пафосной торжественностью – это еще менее отвечало его характеру. Оттого и торопливость, и нежелание вообще обсуждать эту тему.

Стихи его Вера в самом деле читала ночью. Весь вечер она готовила – хотелось все-таки накормить Тимку по-человечески, хоть сам он не больно-то замечал, что ест. Хорошо, что дома нашлась «Макфа» – это были его любимые макароны, и

Вера тоже их любила, потому что из них можно было приготовить любую экзотику, хоть бы и итальянскую пасту с каким-нибудь невероятным соусом. Потом он чинил патрон в коридоре – Вера думала, что просто перегорела лампочка, и собиралась сама ее поменять, а оказывается, испортилось что-то в патроне, и если бы не Тим, пришлось бы вызывать электрика. Потом они ужинали вдвоем, очень поздно, и Тимка смеялся, что у людей бывает второй завтрак, а у него – второй ужин. Потом он спустился из эркера в палисадник и долго, Вера видела в окно, сидел у выключенного фонтана.

Поэтому она открыла тетрадь с его стихами только в кровати. Тетрадь походила на книжку – в добротном твердом переплете, с плотными, цвета слоновой кости страницами. Вера улыбнулась: она знала Тимкину детскую любовь к красивым тетрадям. И догадывалась еще об одной, уже взрослой причине такой любви. Конечно, Тиму хотелось, чтобы его стихи вышли книгой. Почему этого до сих пор не произошло, он Вере не говорил, но она понимала и сама. Прибыли стихи не приносят, издатели выпускают их просто так, для имиджа, и выпускают очень мало. А поскольку никаких объективных критериев в оценке стихов нет, издаются либо те из них, которые нравятся лично издателю, либо те, на которые нашлись спонсорские деньги, либо те, авторы которых обладают пробивной силой, равной нескольким танковым дивизиям, и умело тусуются с нужными людьми.

Вера прекрасно все это знала. Четыре года назад, как раз во время семейной жизни с Димой, она сама работала в издательстве, притом довольно большом. Но даже ей не удалось тогда издать Тимкины стихи. И уж тем более не мог их издать он сам – не танк, не тусовщик, а просто мужчина, которого Бог наделил бесполезным для обычной жизни даром.

Она читала о том, как неосторожно и случайно упал на землю первый снег. Как он совпал с юностью. Как приходит время проститься с юностью, но снег еще лежит, еще не тает, и поэтому сердцу кажется, что и с юностью прощаться время еще не настало...

Она читала, и сердце у нее вздрагивало, трепетало на самом острие жизни. Как он такое делал, ее сын, она и сама не понимала. Это было так же необъяснимо, как его мужественность, и так же, как мужественность, очевидно.

День и так выдался нервный – с неотступными мыслями о впустую проходящей жизни, с раздражающей цыганской философией, – а Тимкины стихи совсем уж

разбредили Вере душу.

Она давно не вспоминала о тех временах, которые предшествовали его рождению. Она не вспоминала и о человеке, от которого его родила. Не то чтобы о чем-то жалела – просто ни во временах тех, ни в человеке не было ничего такого, что ей легко было бы вспоминать.

А теперь эти воспоминания, такие же никчемные, как все сегодняшние мысли, встали у нее в душе так ясно, что от них стеснилось дыхание.

Глава 5

Вера заканчивала десятый класс в самом мрачном настроении.

Папина смерть, мамино отчаяние, враждебность мира, казавшаяся всеобъемлющей, непонимание, что она будет в этом мире делать, – все это не давало ей быть ни веселой, ни хотя бы спокойной. Да еще брат Сашка ударился после папиной смерти во все тяжкие: забросил учебу, то и дело исчезал из дому. Вера с братом были двойняшками, поэтому его беспокойство передавалось и ей. В общем, более тяжелого года, чем этот, последний школьный, в ее жизни еще не было.

Она не понимала, почему семнадцать лет считаются прекрасным романтическим возрастом. Ничего романтического в ее настроении не было, и ничего прекрасного она не ожидала.

И когда однажды майским вечером открыла дверь на долгий звонок, никаких волшебных предчувствий у нее не было тоже.

Вера была дома одна. Сашка ушел в поход на байдарках, во всяком случае, так он сказал дома. Мама уехала на майские выходные на дачный, точнее, огородный участок за сто километров от Москвы, чтобы посадить картошку. Веру она с собой не взяла: знала, что хотя руки у дочери легко прилаживаются к любой простой работе – все-таки гены-то крестьянские, – но тяги к земле Вера не испытывает. Да и экзамены на носу, выпускные, а там и вступительные, пусть

лучше позанимается.

И Вера сидела дома одна, рассеянно листала учебники и мучилась неясной тревогой, из которой в последнее время сплошь состояла ее жизнь.

Она вздрогнула, услышав звонок в дверь. Потом встала из-за стола, за которым пыталась учить билеты по химии, и на цыпочках прошла ко входной двери.

«Может, и не спрашивать, кто это? – мелькнуло у нее в голове. – Никого ведь не ждем».

Но делать вид, будто никого нет дома, было бы глупо: свет горел во всех комнатах, этого невозможно было не заметить с улицы. Да и чего вообще-то бояться? Может, это соседи. Может, соль у них кончилась на ночь глядя.

– Кто там? – громко спросила Вера.

За дверью несколько секунд молчали. Потом мужской голос наконец ответил:

– К Ломоносову Игнату Михалычу.

– Его нет, – сказала Вера.

– А когда будет?

– Никогда. Он умер.

Тут ей почему-то показалось, что она соврала. Это была неправда, что, раз папа умер, его нет и никогда не будет. В том нервном напряжении, в котором Вера жила, границы между видимым и невидимым, между явью и сном казались ей призрачными, и папина смерть не казалась поэтому абсолютной.

– Ах ты!.. – раздалось за дверью. – Ну, простите, раз так.

Было в этом голосе что-то... глубокое, неназываемое. Оно было в тембре его, в интонациях, даже в почти неслышном дыхании говорившего.

За дверью слышались удаляющиеся шаги. Вера распахнула дверь.

- Подождите, - сказала она. - А вы кто?

Мужчина обернулся. В подъезде было темно - перегорела лампочка на первом этаже, и свет доходил только со второго этажа да с улицы. В этом тусклом свете разглядеть позднего гостя во всех подробностях было невозможно, но силуэт его был обрисован отчетливо и жестко.

Он был высокий, сутулый, плечи узкие, и пальто на плечах висело. Странно - в этом чувствовался какой-то аристократизм, совершенно Вере непонятный, но почему-то для нее очевидный.

Впрочем, когда этот человек вернулся обратно к двери и Вера рассмотрела его получше, он не показался ей похожим на принца Уэльского. Он был небрит, и темная щетина на впалых, словно бы нервно вырезанных щеках придавала его лицу необъяснимо волчье выражение. Или, может, дело было не в щетине, а в глубоких морщинах - все его лицо было изборозжено ими, как земля, по которой прошел тяжелый плуг. Вера видела борозды от плуга только в кино, но сразу вспомнила сейчас. Нет, скорее дело было и не в морщинах, а в его взгляде - тяжелом, не веселом, но и не мрачном, а каком-то... знающем. Что такое он знал, Вера не понимала.

Она не понимала даже, сколько ему лет. Может, тридцать, а может, и пятьдесят. Седина, которой серебрился его короткий ежик, ни о чем не говорила.

Тревога ее усилилась, ей стало почти страшно. Но вместо того чтобы захлопнуть перед этим странным и, возможно, опасным человеком дверь квартиры, она сказала:

- Вы проходите. Что же на лестнице стоять?

Он не стал уверять, что постоит и на лестнице, что не хочет затруднять... не стоит беспокойства... Он не произнес ни одного пустого слова. И вошел в квартиру.

Вера закрыла дверь. Он смотрел на нее прямым взглядом, в котором не было угрозы, но было такое понимание всего, что человек понимать не может да, наверное, и не должен, от которого Вере стало не по себе. Хотя она и не называла то, что стояло у него в глазах, такими внятными словами и вряд ли даже понимала это вот так отчетливо.

- Я Алексей Гайдамак. Леха, - сказал он. - Не рассказывал Игнат Михалыч?

- Н-не помню... - пробормотала Вера. - Может, и рассказывал...

- Не рассказывал, значит. А ты ему дочка будешь?

- Ага, - кивнула она. - Дочка Вера.

- А я сын ему, считай, - сказал Алексей Гайдамак.

- Как? - не поняла она.

- Не ему, конечно, ты не бойся. Сын полка я в войну был, слыхала про таких? Книжка про сына полка есть, ты читала, может.

Книжку про сына полка Вера читала. Но не понимала, какое отношение имеет эта книжка к ее отцу.

- Я с тридцать третьего года, - сказал Гайдамак. - В сорок третьем, значит, десять лет исполнилось. Сам я деревенский, родом из-под Могилева. Папка на фронте сгинул, мамку в Германию угнали. Ну, и прибился к понтонерам. Они возле нашей деревни речку форсировали, Проню.

О том, что отец был в войну понтонером, Вера, конечно, знала. И о том, как он форсировал реки и дно этих рек было устлано мертвыми так, что живые шли по воде, яко посуху, - об этом он тоже рассказывал, хоть и с обычным своим немногословием, но все-таки немало.

- Ой! - воскликнула Вера. - Так вы с папой вместе воевали? Извините, я не сразу поняла! Вы же намного его моложе. Проходите, пожалуйста. Папа всего полгода как умер, - зачем-то добавила она.

Гайдамак прошел в комнату, не снимая пальто. Наверное, Вера неправильно его пригласила. Наверное, он не понял, что она приглашает его не просто войти, а чувствовать себя так, как он чувствовал бы себя, если бы застал папу в живых.

– А взрослые где? – спросил он. – Ну, мамка есть у тебя, бабка-дедка?

– Бабки-дедки нету, – улыбнулась Вера. Очень уж смешно он говорил. – А мама на огород поехала. Она завтра вернется.

– Что ж ты кому ни попадя дверь открываешь? – хмыкнул он. – А если б я бандит был?

Вера пожала плечами. Он не был похож на бандита. Хотя и на обычного человека не был похож тоже. Было в нем что-то такое, от чего казалось, будто он вернулся с войны не тридцать с лишним лет назад, а только что. Неустроенность в нем была, глубокая, до костей пробирающая неустроенность, и нервная суровость.

– Вы посидите немного, – сказала она. – Я картошку поджарю. Я быстро!

И опять он не стал отнекиваться, говорить, что ей не стоит беспокоиться и что он обойдется чаем. Он молча смотрел на Веру своим всезнающим взглядом. Она отвела глаза. Ее дрожь пробирала, когда она встречала его взгляд, и она не понимала природу этой дрожи.

Она вскочила, побежала в кухню. К счастью, картошка была уже начищена: Вера собиралась поджарить ее к маминому приезду и начистила заранее. Были еще остатки зимних заготовок – огурцы, которые мама солила вперемешку с помидорами, салат из кабачков и болгарского перца; все со своего огорода. Была даже вареная колбаса. В общем, было чем накормить человека.

Вера помнила, как соседка, старушка Анна Ивановна, не раз говорила ей:

– Из приличного дома, Верочка, никто еще не уходил голодным. Если нет совсем ничего, свари хотя бы гречневую кашу, заправь жареным луком и накорми гостя.

Когда Вера была маленькая, ей странно было слышать такое – через еду – определение приличного дома, да еще от такой интеллигентной старушки «из бывших», как Анна Ивановна.

Все у Анны Ивановны в квартире было не такое, как у других, в том числе и у Ломоносовых. Почти невозможно было объяснить, что именно было не так, но отличие чувствовалось сразу. Оно было во всем – и в том, что Анна Ивановна, если Вера забегала к ней даже на минутку после школы, всегда оставляла ее обедать и подавала самую простую еду, ту же гречневую кашу, на тарелках от разрозненного кузнецовского сервиза, а если при этом заходили другие соседи, то угощала и их, и ставила отдельную солонку возле каждого блюда. И склянки с лекарствами стояли у нее на маленьком посеребренном подносе, про который Вера знала, что он когда-то предназначался для визитных карточек. Вера не видела визитных карточек никогда в жизни и даже не представляла, как они выглядят, поэтому подносик вызывал у нее особенное почтение.

И еще много подобных мелочей было в маленькой квартирке Анны Ивановны, и все они не были выставлены напоказ, как выставлен был хрусталь в квартире Вериней одноклассницы Маринки Волковчук. У Анны Ивановны все необыкновенные предметы участвовали в жизни, вот в чем было дело, и жизнь ее была немыслима без их правильной простоты. В деревянной коробочке для пасьянсных карт лежали пуговицы, в спичечницу от письменного прибора ставились квитанции за квартиру, в старинном резном навесном шкафчике хранились баночки с пряностями, которые были куплены еще до революции в лавке колониальных товаров, но до сих пор не утратили запаха...

Обычная, ежедневная, небогатая жизнь Анны Ивановны вся состояла из одухотворенных вещей; это и называлось приличным домом. Только теперь, торопливо нарезаая картошку, чтобы накормить позднего гостя, Вера поняла, что это значит.

Она вообще с каким-то испуганным удивлением поняла, что с ней что-то произошло за те несколько минут, которые прошли с его появления. Повзрослела она, вот что! Смутная ее тревога совершенно развеялась, мысли о себе, то есть о собственном неясном и в неясности своей мучительном состоянии, улетучились, как и не было их... Почему это вдруг стало так, Вера не понимала. Но то, что это каким-то образом связано с Алексеем Гайдамаком – с его суровым взглядом, с волчьей неустроенностью, сквозившей в каждом его движении, даже с нервным очерком скул, – это она знала точно.

Картошку Вера поджарила быстро. Она вообще все делала быстро, работа горела у нее в руках; мама всегда хвалила ее за это.

– Сильно проголодались? – сказала она, внося большую сковороду с картошкой в столовую. – Сейчас соленья принесу. И будем ужинать!

Когда Вера накрывала на стол, руки у нее вздрагивали. И все внутри вздрагивало, когда она смотрела в глаза Гайдамака, и она отводила взгляд так поспешно, будто он был не человек, а какая-то необъяснимая, волнующая, опасная сущность.

Он ел не то чтобы торопливо, но так, что сразу было понятно, как сильно он голоден. Голод проник в него так же глубоко, как неустроенность, – в самые кости проник, вот как.

Вера ела вместе с ним, но больше из вежливости: не кормить же человека отдельно, специально, будто зверя какого. Вообще же аппетита у нее не было совсем.

Доев картошку и колбасу, Гайдамак дочиста вытер тарелку хлебной коркой и корку тоже доел.

– Спасибо, – сказал он.

Неловкое молчание повисло в комнате. То есть это, наверное, только Вере было неловко, а он молчал как дышал. Ему естественнее было молчать, чем болтать о каких-нибудь незначущих вещах. Вера никогда не видела человека, который был бы так глубоко погружен в такое живое молчание.

– Вы... Вам, наверное, поздно уже сегодня, – сказала она. – Вы можете у нас переночевать.

– Спасибо, – повторил он. И неожиданно объяснил: – Идти-то мне некуда.

– Можете не только сегодня! – поспешно добавила Вера. – Сколько надо, столько и живите. Мама рада будет.

– Нисколько не надо, – сказал он. – Переночую да пойду. От чего Игнат Михалыч помер?

– Так, – помолчав, ответила Вера. – От жизни.

Это было правдой. Ей в самом деле казалось, что папа умер от жизни – от всей ее тяжести, которая была на его веку слишком долгой и наконец стала непомерной.

– Но вообще-то от легочного кровотечения, – добавила она. – У него же в легких с войны осколок остался.

– Понятно. – Гайдамак встал. – Постелешь мне где-нибудь?

– Да, – кивнула Вера. – Здесь и постелю, на диване.

– Я пока в саду твоём посижу. Чисто, хорошо... Как и не было ничего.

Вера не совсем поняла, что он имеет в виду, но переспрашивать не стала. Гайдамак спустился в палисадник по папиной лестнице. Пока Вера стелила ему на диване, то видела, как он курит, сидя на лавочке. И когда он успел разглядеть, чисто в палисаднике или не очень? Взгляд у него был невидящий.

Он курил одну «беломорину» за другой, огонек его папиросы неугасающе тлел в темноте, и Вера не решалась сказать ему, что постель готова. Ей казалось, этим она помешает той суровой и неустроенной жизни, которая составляла самую его сущность.

Но стрелка на часах миновала полночь, и она решилась его потревожить.

Вера открыла дверь эркера и спустилась в палисадник.

– Может, ляжете? – робко спросила она. – Вам постелено.

– Ты ложись, если хочешь, – не оборачиваясь, ответил Гайдамак.

- Да я не хочу, - пожала плечами Вера.

Плечи у нее вздрогнули - май все-таки еще не лето, дневное тепло было неустойчивым, а вечером становилось совсем зябко.

Недавно зацвела сирень, запах ее был таким же беспокойным, как почти невидимый в темноте взгляд и хорошо слышимый в ночной тишине хрипловатый голос Гайдамака.

- Посиди тогда со мной, - попросил он. - Расскажи про отца.

- Про все трудно рассказать, - сказала Вера, садясь рядом с ним на скамейку.

Она не думала, что придется сидеть на улице, поэтому даже платок на плечи не набросила, и ночной холод пронизывал ее теперь насквозь.

- Не сидел он больше после войны? - спросил Гайдамак.

- Нет. Говорил, что ему повезло.

Вера очень хорошо помнила, как папа однажды сказал об этом - что ему просто повезло не стать после войны повторником. Так же повезло, как не погибнуть при форсировании какой-то белорусской реки - может, той самой Прони? - когда от всей роты штрафбата осталось тринадцать человек. После той переправы его перевели из штрафников в обычные понтонеры, а вскоре вернули офицерское звание, и даже довоенные награды вернули, добавив к наградам военным.

Но после войны посадили почти всех, кого в войну по необходимости выпустили, и никакие награды никому не помогли. Папе просто повезло, он это знал. И Вера знала тоже, хотя была совсем еще невзрослая, когда папа об этом рассказывал, да и рассказывал он об этом очень скупно. Но она впитывала все, что он говорил, как земля впитывает дождь, и все, что он говорил, запоминала накрепко.

- Хоть в чем справедливость вышла, - сказал Гайдамак. - Я, помню, мальцом не понимал, на фронте-то, за что такого человека, как Игнат Михалыч, посадить могли. Потом понял.

– Когда потом?

– Когда глаза на жизнь открыл. Ну, а когда самого посадили, тогда уж и вовсе. На своей-то шкуре все лучше понимается.

– А за что вас посадили? – спросила Вера.

И смутилась: из папиных же рассказов она усвоила, что такой вопрос задавать нельзя.

Но Гайдамак ее вопросу не удивился.

– А выяснилось, что батя мой не погиб. В плен он попал, оказывается. В Польше его потом нашли, в концлагере немецком. Освободили... Ну и напрямик в Сибирь, в наш уже лагерь. А я, получается, сын изменника родины. Да еще с оккупированной территории, и мамка неизвестно где. Не иначе шпион. Как такого не посадить?

При этих словах он усмехнулся. Его усмешка показалась Вере еще более волчьей, чем взгляд.

– Но вам же всего десять лет было в войну! – воскликнула она. – Какой же вы могли быть шпион?

– В сорок пятом двенадцать стукнуло. По закону полная ответственность. Могли и расстрелять. Да ладно обо мне! Хоть Игната Михалыча жизнь приласкала. Семья, дом... Дочка выросла.

– И сын тоже, – зачем-то пояснила Вера. – Мы с братом двойняшки.

По лицу Гайдамака мелькнула короткая улыбка. Такая короткая, что, может, это и не улыбка была, а просто отблеск от огонька папиросы.

– Ты, видно, в мать удалась, – сказал он. – Не в Игната Михалыча масть. И глаза у тебя темные, и волосы.

– А мама тоже светлая, как и папа, – улыбнулась Вера. И неожиданно выпалила: – Я в его несбывшееся счастье удалась, вот во что!

Папа в самом деле так говорил и даже головой удивленно качал, когда смотрел на дочку. Что означают его слова, Вера не знала, потому что он никогда их не пояснял. А раз не знала, то никому этих слов и не повторяла. И почему вдруг повторила их Алексею Гайдамаку, она и сама не поняла.

– Любил тебя, значит, – сказал тот. – Словами-то он не разбрасывался, батя твой. А оно и не диво.

– Что? – не поняла Вера.

– Что любил. Он-то, понятно, как дочку. Но к тебе прислониться и любого потянет. – И добавил, подняв на Веру неласковый взгляд: – Душа у тебя, видно, остойчивая.

Эти его слова Вера поняла еще меньше, чем предыдущие – что любить ее не диво. Но они смутили ее до дрожи, эти слова, смутили еще больше, чем его глаза, которые мерцали в темноте с каким-то мрачным ожиданием.

В глубине ночи родился ветер, одним непонятым порывом. Запах сирени сразу стал острым, пронизывающим. И ночной холод пронизал Веру еще сильнее, чем до сих пор. Она вздрогнула не плечами уже, а всем телом.

– Замерзла? – заметил Гайдамак. – Пойдем.

Но вместо того чтобы встать со скамейки, он вдруг отбросил окурок и обнял Веру. Даже не обнял, а просто положил руку ей на плечи.

Рука его оказалась невозможно горяча – сквозь тонкий поплин домашней кофточки Вера сразу почувствовала ее огонь. И так же, сразу, почувствовала другое, самое главное, то, что смутно не давало ей покоя весь вечер, с первой минуты, когда она услышала его голос за дверью. Теперь это другое стало таким пронзительно ясным, что Вера даже удивилась: как она могла не понять этого сразу? Хотя – как бы она могла это понять? С ней ведь никогда такого не было...

Она почувствовала, что его огонь пронизывает ее всю, пронизывает сильнее и глубже, чем ночной холод. И даже не оттого, что его горячая рука лежит у нее на плечах, а просто от его существования, от его присутствия рядом с ней.

Странная, сильная, горячая, опасная – настоящая жизнь подошла к ней вплотную, поманила к себе, и поманила так, что невозможно было противиться ее могучему зову.

– Да, пойдете... – пролепетала Вера.

Но вместо того чтобы встать и пойти в дом, придвинулась к Гайдамаку и прижалась к нему. И замерла, не зная, что он сделает теперь.

Она словно вслушивалась в его тело. Тело было твердым и таким же, как взгляд, нервным, неласковым. Грудь ее ходила ходуном от его дыхания, которое она чувствовала так же, как твердость его тела, – всей собою.

Он молчал долго, Вере показалось, целую вечность. Потом выговорил с трудом, совсем хрипло:

– Зря ты, Вера. Ты б меня по башке со всей силы. Я ушел бы.

– Я не могу, – чуть слышно проговорила она. – Не надо уходить.

Он и сам знал, что не надо. Они оба знали это. И, наверное, оба не могли объяснить, почему. Вера точно не могла.

Они встали со скамейки одновременно. И пошли к дому, все ускоряя шаг.

Когда Вера стелила ему, то разложила диван. Тогда, полчаса назад, она сделала это просто машинально: подумала, что ему тесно будет на неразложенном. А теперь, когда он торопливо раздевался, а она смотрела на белую широкую постель, ей казалось, что она уже и тогда, наверное, знала, для чего делает это.

Впрочем, может, ей вот именно только казалось это теперь, в лихорадочной дрожи, всю ее охватившей.

На него она взглянуть боялась: его нагота ошеломляла, как удар. А он почему-то совершенно не стыдился своей наготы, только спешил стать совсем голым поскорее.

Словно услышав Верины мысли – даже не мысли, а судорожные, испуганные их обрывки, – он сказал:

– Что ж теперь тянуть? Раз уж так у нас с тобой выходит.

И Вера поняла, что это правда.

Гайдамак подошел к ней. Когда он раздевался сам, движения его были резкими и торопливыми, как будто бы даже злыми. А когда он остановился перед Верой и стал одну за другой расстегивать пуговицы у нее на блузке, они стали совсем другие – осторожные, какие-то... недоуменные.

– Ты этого не бойся. – Теперь голос у него был не просто хриловатый, а такой, словно горло ему перетянули чуть не намертво. – Когда-нибудь все одно случилось бы. Со всеми так.

Если бы он только произносил слова, Вера, может, оттолкнула бы его, так грубы и тороптивы они были. Но его руки говорили совсем иначе... Они не спешили, глядя Верины плечи – кофточка уже упала на пол; они были так осторожны, что страх, пожаром сжигавший ее изнутри, успокаивался от их прикосновений. В них, в его руках, не было ни грубости, которая была в словах, ни волчьей неустроенности, которая была во взгляде. И то, что было в этих руках, – это и было самое главное. Он жил долгую и тяжелую жизнь, и главное ушло в него так глубоко, что, казалось, исчезло совсем. Но, выходит, не исчезло и вдруг стало осязаемым, таким, каким и было на самом деле.

Юбку Вера сняла сама.

– Ложись, – сказал Гайдамак. – Да не дрожи так. Я тебе хорошо сделаю.

Лучше бы он молчал, конечно. Но, в общем, это было уже все равно.

Вера легла на постель поверх одеяла и закрыла глаза. Ей не хотелось его видеть – она уже знала, какой он на вид. И слышать его тоже не хотелось – зачем? Чтобы вздрагивать от каждого слова, грубо-бесстыдного? Ей хотелось только почувствовать его руки, бесконечно почувствовать их недоуменную ласку.

Наверное, он понимал это. Или не понимал, а просто делал то, что каждый мужчина делает с женщиной в постели? Этого Вера не знала – ей не с чем было сравнивать. Ничего она про все это не знала! У нее не то что парня не было – она даже не целовалась никогда, и медленные танцы, больше похожие не на танцы, а на объятия, танцевала на дискотеке всего несколько раз, потому что мальчишки медленных танцев стеснялись и чаще бывало, что девчонки приглашали девчонок.

Потому она не знала, правильно ли то, что он делает с нею. Правильно ли, что целует в губы больно и жадно, а потом целует в шею, в грудь, и чем ниже спускаются поцелуи, тем меньше в них почему-то становится этой вот жадности, а больше какой-то медленной страсти?

Но ей и не было дела до того, правильно ли это. Даже в то мгновение, когда его губы коснулись ее живота, – даже тогда она не почувствовала, чтобы в этом было что-то неправильное. Это было только хорошо, и не хорошо даже, а ослепительно прекрасно! Да, что-то ослепительное вспыхнуло у нее под опущенными веками, и сладкая дрожь прошла по всему телу, когда он спустился губами еще ниже, совсем, совсем, и еще раз поцеловал, и еще... Она не выдержала этой бесконечной дрожи и застонала так же длинно, как он целовал ее. И он ответил ей таким же несдерживаемым стоном, в котором она с трудом разобрала:

– Не могу больше...

Все, что случилось сразу же после этого, оказалось таким ошеломляющим – ее словно ледяной водой окатили. Вера почувствовала, как Гайдамак резко подался по ее телу вверх. Он больше не целовал ее, не гладил – упираясь локтями в постель, он нависал над нею, коленями раздвигал ее колени и с какой-то яростной мощью пробивался в нее. Вот именно пробивался, иначе она не могла это назвать! Вера открыла глаза и с ужасом увидела его лицо – изменившееся, застывшее, исступленное. Его глаза были теперь закрыты, губы закушены, и она понимала, что он ничего не видит, не слышит, не чувствует – только рвется в нее всей жесткой силой своего тела.

Она попыталась сжать колени, но это было бесполезно – он рванул их в стороны так резко, что Вера вскрикнула. При этом он, потеряв опору, упал на нее, придавил сверху. И через секунду она вскрикнула снова, теперь уже от такой боли, которой не ожидала совсем.

– Не надо! – крикнула она.

Но он не слышал.

Если бы эта боль длилась так же долго, как перед тем длились ласки, Вера умерла бы. Во всяком случае, так ей казалось. Но боль была совсем короткой – сразу после Вериного крика Гайдамак вскрикнул тоже. Он вскрикнул как-то зло и глухо и тут же забился в таких судорогах, которые перепугали Веру больше, чем собственная боль.

– Что с вами?.. – пролепетала она. – Вам плохо?!

Ей показалось, что ему не просто плохо – что он умирает! Все его тело выкручивала, сводила, мучила какая-то страшная, непонятная, могучая сила, и он только вскрикивал, коротко, бессмысленно, когда натиск этой силы становился совсем уж невыносимым.

Вере казалось, что это никогда не кончится. Или что кончится его смертью. Но вскоре судороги стали тише, а потом прекратились совсем. Вздрогнув в последний раз, он перекатился на бок и упал на подушку.

Боясь взглянуть в его сторону, Вера замерла рядом. Боковым зрением, самым краем глаза она видела, как возле его головы расплывается по подушке мокрое пятно. Если бы оказалось, что это не пот, а кровь, она не удивилась бы. Все, что происходило с ними, было так же страшно, как смерть. Хотя... Во всем этом была сплошная жизнь. Это Вера чувствовала ясно, но почему это так, не знала.

Она вообще не знала жизни до сих пор, а теперь вот узнала, и жизнь оказалась страшна. Но Вера испугалась ее только в самое первое мгновение. А потом страх прошел, и ей показалось... Ей показалась очень странная вещь: что страх перед жизнью прошел у нее теперь навсегда.

Но думать о таких смутных вещах было сейчас не ко времени.

- Испугалась? - не глядя на Веру, сказал Гайдамак.

- Нет.

Теперь это было правдой.

- Гад я.

- Но я ведь сама...

- Сама! - хмыкнул он. - Было б тебе хоть лет двадцать. А так - что с тебя взять, с самой-то? Ну, теперь уж не вернешь. - И вдруг добавил совсем другим, каким-то даже веселым тоном: - А и не надо. Невеликое это сокровище, Вера. В жизни и подороже есть. Ты мне поверь, я знаю.

Он действительно знал, это было Вере понятно. Но остальное, но главное - что же теперь будет? - было ей непонятно совсем.

Она не решилась спросить его об этом, но он словно расслышал ее вопрос и без слов. То волчье, что она сразу почувствовала в нем, выразалось не только во взгляде, но и в этой вот нечеловеческой чуткости.

- Уйду я, - сказал Гайдамак. - Сейчас уйду.

- Как? - выдохнула Вера. - Но...

- Так лучше будет, - резко перебил он. - Ничего получше для тебя все равно не сделаю. - И добавил уже помягче: - Правда, Вера. Ну, не сдержался я. Только что с зоны, десятку отмотал... Сама понимаешь, от одного твоего запаха голова закружилась. Да ты и не понимаешь, - с неожиданным смущением сказал он. - Не сдержался, в общем. Хоть и должен был. Но уж теперь сдержусь. Уйду.

Вера молчала. Она была так ошеломлена, что не знала, что сказать. Ей казалось, все в ее жизни должно теперь стать другим. Слишком важным было то, что произошло между ними! И вдруг он говорит, что сейчас уйдет, и это значит, что

уже утром, да что утром, уже через час все в ее жизни станет таким, как будто ничего и не было.

Это было так странно, так невозможно, что она не находила слов, чтобы этому противиться.

– Думаешь, хорошо тебе было бы, если б я к тебе надолго прислонился? – сказал Гайдамак. – Я ж теперь даже не политический, Вера. Гордиться нечем. Последнюю десятку за вооруженный грабеж дали. Как в пятьдесят третьем с лагеря вышел, так и... Сначала буханку хлеба спер – посадили. А потом зло взяло: чего стесняться, им можно, а мне нельзя?! Ну и понеслась душа в рай. В кайф пошло. – Он усмехнулся; глаза сверкнули злым огнем. – Тебе такой мужик без надобности. Хоть в этом Игната Михалыча не обижу. – Как только он произнес имя ее отца, лицо его сразу как-то осунулось и постарело. До сих пор он прямо смотрел Вере в лицо, а тут отвел взгляд. – Отвернись, – сказал он. – Оденусь.

Вера отвернулась к стене. До сих пор он не только не стыдился своей наготы, но даже не замечал ее, а теперь вдруг... Но она понимала, почему теперь это стало иначе.

Ушел он не через подъезд, а через палисадник. Вера спустилась по папиной лестнице вместе с ним и проводила его до самого забора. Не то чтобы ей хотелось подольше побыть с ним... Ей даже поцеловать его на прощанье не хотелось. То, что так неожиданно соединило их, было слишком мощно и страшно, чтобы длиться долго. Но делать вид, будто ничего их не соединяло, она не могла.

Прежде чем перемахнуть через забор – он был такой невысокий, что через него без труда перелезал любой ребенок, – Гайдамак взял Веру за плечи и посмотрел ей в глаза долгим взглядом. Что было в этом взгляде? Вера не понимала.

– Что ж они с нами сделали-то, а? – В его голосе прозвучала такая горечь, что Вера вздрогнула от жалости к нему. – Ну, пусть в этом, что сегодня натворил, сам я виноват. Но в остальном-то, в самом первом-то – они! – Теперь уже не горечь, а глубинный, подспудный, а потому особенно страшный гнев прозвучал в его голосе. Вера вздрогнула. – Нелюдями они нас сделали. Во всем я теперь такой, каким человек быть не должен. – Он быстро прижал к себе Веру и, не

поцеловав, оттолкнул, так же быстро и почти зло. – Прости. Не поминай лихом.

Его шаги долго слышались в ночной тишине улицы. Вера не подошла к забору, чтобы посмотреть ему вслед сквозь кусты сирени. Она знала, что не будет вспоминать его. Но смутно чувствовала и другое: что не забудет его никогда. То, что она узнала с ним, из-за него узнала, поселилось в ней так глубоко, что... Что должно было определять всю ее жизнь, нынешнюю и будущую.

Что это такое, как это назвать, Вера не знала. Но это было самое сильное чувство из всех, какие она знала до сих пор. Оно болело у нее внутри так же, как все у нее внутри болело после этой ночи.

Не глядя больше на забор, скрытый сиреневыми кустами, Вера пошла по дорожке к дому.

Воспоминание оказалось таким неожиданно сильным и ясным, что Вера вздрогнула, когда оно – то ли во мгновение, то ли, наоборот, долгой волною – прошло по ее душе. Ей показалось даже, что тот пронзительный запах сирени ворвался в комнату. Хотя этого уж точно не могло быть: за окном стояла осень. Да оно и закрыто было, окно.

Вера встала, на цыпочках прошла в дальнюю, самую маленькую комнатку. Когда-то здесь была родительская спальня, а после Тимкиного рождения стала детская.

Она остановилась на пороге, глядя на спящего сына.

Ничего в нем не было от того человека, совсем ничего! Он был похож на своего деда и больше ни на кого. Хотя... Вера ведь и не помнила, каким он был, Алексей Гайдамак. Какого цвета были его глаза, какой формы губы... Она помнила только отчетливое, ясное чувство, которое появилось у нее внутри вместе с его появлением: что так, как он, выглядит жизнь. В этом ее правда.

Но внешне Тимка не был на него похож совершенно.

И непонятно было, зачем вдруг пришло воспоминание о той ночи.

«Со мной что-то должно произойти, – подумала Вера. – Нет, не то. Я должна что-то сделать со своей жизнью. Так больше нельзя!»

С этой мыслью она и уснула. Может, наутро эта мысль должна была уйти, как уходят многие горячечные, воспаленные ночные мысли. Но сейчас она казалась Вере непреложной.

Глава 6

За продуктами Вера выбиралась редко. Много ли ей одной нужно было продуктов? К тому же года два назад она поняла: времена, когда ее фигура оставалась безупречной без всяких с ее стороны усилий и даже без всякого ее внимания, прошли, и, видимо, прошли навсегда. И кусок колбасы, наскоро проглоченный на ночь, мгновенно добавляет лишние килограммы.

Понимать это было неприятно. Но видеть, как над талией нависают «крылышки», было еще неприятнее. И Вера сначала села на японскую диету – две недели ела то несоленую рыбу, приготовленную на пару, то паровую же капусту, вкусом напоминавшую вареные тряпки, то клейкий рис, – а после диеты стала есть хоть и вкусно, но мало.

Поэтому продукты она покупала редко, зато в дорогом супермаркете, который недавно открылся неподалеку от дома.

Вера катила тележку между полками и изучала этикетки на баночках и коробочках. Впрочем, все это продуктивное изобилие она рассматривала довольно рассеянно. Ей казалось глупым и каким-то даже неприличным чересчур внимательно изучать еду. К тому же у нее был быстрый взгляд, поэтому она, и не сильно вглядываясь, сразу определяла, что ей надо купить, а что нет.

Покупателей было много: офисный день закончился полчаса назад, и Вера попала в магазин в общем потоке. Она уже собиралась идти к кассам, но вдруг что-то привлекло ее внимание. Она даже не сразу поняла, что именно – какой-нибудь необычный товар, что ли? Необычное скользнуло по самому краю ее

зрения, но почему-то за этот край зацепилось.

Обернувшись, Вера поняла, что внимание ее привлек не товар.

Рядом с полкой, уставленной бесчисленными соусами, стоял мужчина. Он держал в руке пеструю бутылочку и читал надпись на этикетке.

Что и говорить, на такого мужчину мудрено было не обратить внимание! Он был безупречен. Вера даже оторопела, когда это поняла. Он был высокий, стройный, элегантный. Он был прекрасно подстрижен – не коротко, не длинно, аккуратно. Он был одет в очень дорогой костюм. Ботинки его, тоже очень дорогие, сияли так, что сразу становилось понятно: он приехал сюда не троллейбусом. Но главное было все же не в этих, сразу бросающихся в глаза чертах...

И костюм его, и ботинки, и прическа – все это, явно не случайное, совсем не производило впечатления чрезмерной продуманности, тщательной выстроенности. И на бутылочку с соусом он смотрел таким взглядом, что у Веры даже сердце екнуло. Это был тот самый взгляд, какой и должен быть у мужчины, когда он изучает этикетку на соусе. Или программу телевидения. Или меню в ресторане.

Взгляд был в меру заинтересованный. Вот именно в меру – не рассеянно-мечтательный, но и не слишком сосредоточенный. Не мелочный это был взгляд! Сразу было ясно, что мужчина с таким взглядом правильно понимает иерархию предметов и явлений.

Вера смотрела на него, замерев в проходе между полками. Привелось же такого увидеть!

«А почему, собственно, привелось? – вдруг подумала она. – И почему только увидеть? Он же чей-то, этот мужчина! Дарит кому-то цветы и бриллианты, спит с кем-то, ходит с кем-то в рестораны... Так почему не со мной?»

Месяц, неделю, да еще дня три назад подобная мысль показалась бы ей дикой. А сейчас сразу же всплыла в памяти насмешливая цыганка с ее вопросом: «А ты какого поведения, тяжелого?»

Развернув тележку, Вера направилась напрямиком к полке с соусами.

- Извините, это у вас что, карри? – спросила она. – Вы его уже пробовали?

Мужчина поднял глаза. Они были приятного каревого цвета.

- Это не карри, – сказал он. – Называется «австралийский соус». Еще не пробовал.

- Тогда и я возьму, – сказала Вера.

- Но ведь я не пробовал, – повторил он. – Не могу вам посоветовать.

- А здесь такое изобилие, что лучше брать наугад, – улыбнулась Вера. – Тогда не ошибешься.

Улыбка у нее была особенная, и она это знала. Когда Тимке было пять лет, он говорил, что от маминой улыбки хочется кувырнуться. Вряд ли у кого-нибудь из мужчин, кроме маленького Тимофея, возникало впоследствии такое желание. Но от Вериней улыбки оживлялся даже Дима и даже во времена его пламенной страсти к преферансу.

- Оригинальная логика! – засмеялся мужчина. – Хотя, впрочем, совершенно правильная.

Он поставил соус в свою тележку. Вера уже изучила собранный там продуктовый набор, пока незаметно наблюдала за ним. Набор был таким же, как взгляд, стрижка, костюм и обувь, – очень мужским и безупречным: красная и белая рыба, стейки из мраморного мяса, очищенный и вымытый картофель в пакете, свежие помидоры и огурцы, оливковое масло, черная икра в стеклянной баночке, бутылка красного вина и бутылка виски. Вере понравилось, что виски он покупает хотя и дорогое, но не коллекционное, которое стоит неприличных денег.

Вообще, его выбор очень ее обнадежил. Ясно было, что товарищ купил продукты не для того, чтобы из них был приготовлен настоящий семейный обед, который может приготовить только женщина. То есть женщина у него, конечно, вполне

может быть, но живет она не с ним. Понятно также, что он живет один не первую неделю. Мраморное мясо и картофель свидетельствовали о том, что речь идет не о единственном холостяцком перекусе, а о системе питания. Система Вере понравилась – в меру правильная, не примитивный фастфуд, но и не бабское выстряпывание изысканных блюд для себя, любимого.

Вера поставила в свою тележку австралийский соус и неторопливо направилась к кассам. Мужчина пошел рядом с ней.

Все сегодня оказывалось кстати, все получалось точно и вовремя! Вера почувствовала в груди приятный холодок, которого не чувствовала уже очень давно. Тот самый холодок, который появляется, когда ты понимаешь, что тебе благоприятствует судьба и сопутствует удача.

Удача была и в том, что ее неожиданный спутник успел купить все, что хотел, и тоже, как Вера, уже направлялся к выходу. И в том, что к кассам змеились очереди. И в том, что он никуда не спешил. И в том, что у него, наверное, не случилось сегодня неприятностей на работе – во всяком случае, настроение способствовало разговору.

– Разрешите представиться, – сказал он. – Кирилл.

И это тоже было знаком Вериной удачи. Разве стал бы он представляться, если бы предполагал проститься у выхода из магазина?

– Вера, – сказала она.

Он смотрел прямо и располагающе. Карий цвет глаз очень шел к правильным чертам его лица.

– Вы работаете неподалеку? – поинтересовался он.

– Нет, работаю далеко. Я живу рядом.

– Рабочий день закончился недавно, – объяснил он. – Я и подумал, если вы так быстро добрались сюда из офиса, значит, он где-нибудь поблизости.

Черт возьми, он уже даже делал какие-то логические построения на ее счет! Это было приятно.

- Просто мне повезло с транспортом, - улыбнулась Вера.

- Вы не на машине? - оживился он. - Как же вы понесете сумку? Я вас подвезу.

- Спасибо. - Она улыбнулась еще непринужденнее. - Мне правда недалеко.

Из такого ответа невозможно было наверняка понять, благодарит она для того, чтобы отказаться от его помощи, или, наоборот, для того, чтобы он ее проводил. Интересно, какой вывод сделает он?

Вывод он сделал правильный. Дождавшись, когда Вера расплатится, Кирилл поставил ее пакет в тележку рядом со своим, а на улице сразу направился к темно-синему «Лексусу». Машина в точности соответствовала тому представлению, которое сложилось о нем у Веры с первого взгляда.

Кирилл поставил оба пакета в багажник и открыл перед Верой переднюю дверцу.

- Прошу, - сказал он. - Покажете, куда ехать? Я плохо знаю этот район.

Ехать в самом деле было недалеко, то есть недолго, но Вера по этому поводу не печалилась. Она знала, что сейчас еще не время для долгого разговора. Мужчина должен был расстаться с нею в состоянии неудовлетворенного интереса; для этого довольно было пяти минут. В том, что продолжение последует, Вера уже не сомневалась. Как только она почувствовала у себя в груди этот свежий холодок удачи, все ее действия приобрели необходимую уверенность.

«Почему у меня так давно никого не было? - с некоторым даже удивлением подумала она. - Ведь так просто!»

Впрочем, рассуждать о том, почему всего этого - чувства удачи, правильности своего поведения с мужчиной - давно не случалось в ее жизни, было сейчас не ко времени.

– У вас прекрасный район, – сказал Кирилл.

– Да, – кивнула Вера. – Его в пятидесятые годы строили как такой, знаете, заповедник для интеллигенции. Писателей поселили, ученых, инженеров. Во-он там мой дом, – показала она. – Угол Хорошевского шоссе и Беговой.

– Фантастика! – восхитился Кирилл, останавливая джип перед палисадником. – Идиллический особнячок. И в самом деле очень интеллигентный. Давайте я подниму домой вашу сумку.

– Не стоит, – отказалась Вера. – Да и поднимать некуда. Я живу на первом этаже.

Провоцировать ситуацию, когда она должна будет оставить его на чашку кофе, было совершенно ни к чему. То есть и строить из себя неприступную деву тоже, конечно, не следовало: Кирилл не производил впечатления мужчины, который настолько обойден женским вниманием, что потратит всю оставшуюся жизнь на преодоление чьей бы то ни было неприступности. Но женщина, живущая в интеллигентном особнячке, не зазывает в дом мужчину, с которым пять минут поболтала в супермаркете; это он должен был понять сразу. Да, кстати, пусть заодно помучается, размышляя, нет ли у нее мужа. Ну, не помучается, конечно, но посомневается.

– Спасибо, – сказала Вера, выходя из машины; Кирилл вышел первым и предупредительно открыл перед ней дверцу. – Приятно было с вами познакомиться.

Она произнесла эту фразу так, чтобы в ней невозможно было слышать ни тени пошлого кокетства – только располагающую непринужденность.

Вера часто замечала, как плохо умеют кокетничать женщины ее возраста и, главное, как мало они осознают свое неумение. Русалочий смех, потупленные глазки, губки бантиком – и все, дама под сорок выглядит круглой дурой.

Она дурой выглядеть не собиралась.

– Могу я записать ваш телефон? – спросил Кирилл.

- Пожалуйста, - улыбнулась Вера.

Он достал аппарат, она продиктовала номер, он пощелкал клавишами...
Спрашивать его номер Вера не стала. Она не сомневалась, что он позвонит в ближайшее время. И Кирилл немедленно это подтвердил.

- Всего доброго, - сказал он. - Попробуйте австралийский соус! Поделимся впечатлениями.

«Вот и все, - подумала Вера, краем глаза глядя, как скрывается за поворотом «Лексус». - И всего-то?»

Все это в самом деле было несложно. Надо было только решить, что ей это нужно. Она решила - и все ей сразу удалось.

Глава 7

- Я всегда любил своего отца и сейчас люблю. Но и всегда признавал слабые стороны его характера. - Кирилл положил вилку и нож на тарелку ручками вправо-вниз и промокнул губы салфеткой. - В детстве, особенно в самом нервном, подростковом возрасте, они меня раздражали.

- А теперь? - спросила Вера.

Доверительность, возникшая между ними, требовала, чтобы она задавала вопросы.

- А теперь не раздражают. Я стал старше и лучше стал понимать природу его слабостей.

- Например? - спросила Вера. И добавила: - Я тоже хочу лучше понять.

По мгновенно мелькнувшему в его глазах благодарному огоньку она поняла, что ему приятно такое ее желание.

– Например, теперь я понимаю: отец сделал карьеру не благодаря честолюбию или усилую, а только по растительной инерции. Ну, время было такое, – пояснил он. – Принцип советской власти известен: не высывайся. Так что всех сколько-нибудь выдающихся – кроме тех, кто направил свою незаурядность по партийной линии, – почти полностью уничтожили уже к тридцатым. Да, собственно, и сколько-нибудь незаурядных партийцев вскоре уничтожили. Потом война – тоже, знаешь ли, не худшие погибали.

– Знаю, – вырвалось у Веры.

Впрочем, высказываться об этом более подробно она не стала. Это была не та тема, которую обсуждают в ресторане с мужчиной, даже если он очень тебе нравится.

А Кирилл нравился ей с каждым днем все больше. Они встречались уже месяц, обычно по выходным, иногда и среди недели, и она ни разу не почувствовала разочарования в нем.

– Так что от моего отца и не требовалось ничего, кроме умения жить по инерции, – сказал Кирилл. – Никуда не спешить, ни во что не вмешиваться – предоставить жизни идти неторопливым ходом. Был бы он из простой семьи, это, возможно, не сработало бы. Ну а когда ты сын своевременно умершего дипломата, работает обязательно.

– Что значит своевременно умершего? – удивилась Вера.

– Дед умер в тридцать седьмом от язвы желудка, – объяснил Кирилл. – На самой заре своей дипломатической карьеры, поэтому еще не успел нажить настоящих врагов. Настоящих друзей он, правда, тоже не нажил, но обычной расположенности сослуживцев хватило для того, чтобы помогать его вдове. Бабушка родила моего отца через месяц после похорон. Конечно, над гробом она выглядела трогательно. Так что когда время от времени обращалась за помощью к коллегам покойного, им неловко было ей отказать. Тем более что она не просила ничего сверх меры. Устроить сына в хороший вуз – но ведь не в дипакадемию же; обычный юрфак не стал проблемой. Устроить его после вуза на работу – но не в дипкорпус же; нотариат не выглядел синекурой. Отец не хотел ничего головокружительного. Перестройку он встретил в должности нотариуса. И это определило мою жизнь.

– Почему? – не поняла Вера. – Ведь ты работаешь совсем в другой сфере.

– Потому что должность эта практически пожизненная, – объяснил он. – И доход от нее тоже пожизненный. И не в советской, а в хотя бы относительно капиталистической стране этот доход стал таким, что отец мог предоставить мне начальный капитал. Никуда не торопись, не прилагая изматывающих усилий, не меняя своих житейских привычек.

Вера слушала его рассказ с интересом. Кирилл вообще был интересным собеседником. К тому же ей нравилось, как он говорит – свободно, длинными предложениями. Ей до смерти надоел компьютерный сленг коллег-мужчин. И ленивая отрывистость их речи, и дурацкие подростковые словечки в устах сорокалетних мужиков надоели хуже горькой редьки. Ей нужен был мужчина умный, начитанный, внимательный – и такой мужчина наконец у нее был.

Возможно, это было некоторым преувеличением – считать, что Кирилл у нее уже есть. Да, он звонил ей почти каждый день, и интересовался ее жизнью, и по выходным приглашал в театр или в ресторан, и не забывал приходить на встречу с цветами. Но он ни разу не дал понять, что ему хотелось бы более близких отношений.

Впрочем, Вера его и не торопила. У нее не туманилось в глазах от его голоса и взгляда, она не считала часы до встречи с ним. А потому держалась с ним самым правильным образом: без спешки, без навязчивости, ровно, мило. И не сомневалась, что это даст тот самый результат, который она предвидела.

Да и нельзя было сказать, что ее интересует в отношениях с Кириллом только результат. Вера вообще была не из тех людей, которые живут ради какой-то цели. Даже в молодости она ради этого не жила – в то время, когда жизнь стоит перед большинством людей не как живое, настоящее пространство и время, а лишь как светлое будущее. И уж тем более не пыталась она сузить свою жизнь теперь. Она любила жить, а не достигать чего-то и понимала разницу между этими двумя вещами.

Так что Вера не торопила момент, когда их с Кириллом отношения должны были дополниться интимностью. Ей было приятно встречаться с ним и проводить с ним время. С ним интереснее было обсуждать просмотренный вместе спектакль, чем с любой из подруг. Он был умен и тонок в суждениях. Да и вообще, ее жизнь

стала благодаря ему гораздо разнообразнее. Если в театр она еще могла пойти с подружкой или одна, то в ресторан попала впервые за несколько лет.

Ресторан Вере понравился. То есть ей понравились рестораны вообще, как полузабытое явление ее жизни. Но этот, французский, понравился особенно; Кирилл потому и пригласил ее сюда уже во второй раз.

Вере нравились даже не столько блюда французской кухни сами по себе – не сыры ста видов, не фуа-гра, – а ее необъяснимая, неповторимая утонченность, ненавязчивый вкус, причем не только в приготовлении блюд, но и в их оформлении. И она даже догадывалась, почему.

Она с детства ощущала в себе какую-то... чрезмерность, да, именно так. В ее внешности никогда не было того, что было так очевидно во внешности, например, ее редакционной начальницы Аглаи Звон. Вера чувствовала себя почти вульгарной, да и «почти» было связано лишь с тем, что она все-таки сознавала свою красоту, которая вульгарности препятствовала. Но утонченности в ней не было нисколько, это она тоже сознавала.

Так что французская кухня была своего рода восполнением отсутствующего.

Сегодня она надела платье, купленное три дня назад; Кирилл его еще не видел. Платье было особенное. Вернее, само-то платье было, может, и обыкновенное – темно-алое, до середины колена, – но особенным в нем был вырез, который назывался «бродячее декольте». Это декольте было сделано таким образом, что постоянно сползало то с одного, то с другого плеча. Вера даже гордилась собой из-за этого платья. Не просто любовалась собой, а вот именно гордилась, потому что правильно его выбрала. Оно было из очень дорогой ткани и очень хорошо сшито, а потому не выглядело вульгарным, даже когда декольте сползало таким образом, что соблазнительно приоткрывало грудь.

В общем, оно точно соответствовало нынешнему этапу ее отношений с Кириллом, это платье: тонкое кокетство, ограниченное лишь собственным вкусом.

– Да и не только отцовские деньги определили мою жизнь, – произнес Кирилл.

Вера вздрогнула: задумавшись о себе, она как-то упустила его из виду.

– Возможно, если бы не он, то таким, как он, вырос бы я. А благодаря ему я захотел быть другим. То есть стал жить от противоположного. И, как видишь, достиг кое-каких результатов.

Вера порадовалась тому, что, оказываясь, ничего не пропустила, увлекшись своими мыслями. Все-таки сходство даже между самыми разными мужчинами было таким очевидным, что, зная любого из них – хоть Диму, хоть брата Сашку, – Вера видела всех остальных насквозь. Поэтому она не удивлялась тому, что Кирилл вот уже полчаса говорит о себе. А о ком еще может говорить мужчина? Такова его природа. И потом, был бы Кирилл дворником, его монолог о собственной персоне мог бы оказаться скучным. А послушать, каких результатов добился в жизни владелец сети отелей и как ему это удалось, было вполне интересно.

– Ты не выглядишь упрямым, – улыбнулась она. И, прежде чем он успел возразить, добавила: – Просто сильным.

Она действительно так думала. И то, что ее слова явились самой обыкновенной, даже не слишком тонкой лестью, было просто совпадением.

– Спасибо. – Огонек благодарности снова мелькнул в его глазах. – С тобой хорошо, Вера.

Вера удивленно посмотрела на него. Он произнес это таким голосом – чуть дрогнувшим, почти нежным, – каким разговаривают с женщиной только в постели. Между тем на постель не было даже намека.

– Ты не устала? – спросил Кирилл.

– Почему ты решил? – удивилась Вера. И тут же встревожилась: – У меня что, глаза тусклые?

– Совсем нет. Ты выглядишь прекрасно. Как всегда. Просто... – Он замялся. Это было на него не похоже. – Просто я хотел предложить тебе уйти.

А вот это как раз и было намеком на продолжение вечера в более интимной обстановке. И даже не намеком – прямым предложением это было; в таких

вещах Вера не ошибалась.

Она помедлила ровно десять секунд. Не потому, что размышляла над ответом, а лишь для того, чтобы Кирилл не сомневался: она правильно поняла, что именно он ей предлагает. Это не пауза была, а акцент.

– Мы можем уйти, Кирилл, – сказала она. – Хотя я несколько не устала.

– У тебя ведь давно никого не было, – сказал он. – Почему, Вера?

Одеяло наполовину сползло на пол, и Кирилл лежал голый. А Вера набросила на себя ту половину одеяла, которая не сползла с кровати. У нее в самом деле давно не было мужчины, и она отвыкла не стесняться своей наготы.

Она не знала, как ответить на его вопрос. Ей было с ним хорошо, он оказался таким же прекрасным любовником, как собеседником, и взаимное влечение, возникшее между ними в разговоре, не нарушилось в постели. Но рассказывать ему о своей жизни Вера не хотела. Наверное, потому, что время для этого еще не пришло. Или потому, что она отвыкла от таких разговоров, как отвыкла быть перед мужчиной голой. Или... Да какая разница! Не хотела, и все.

Но молчать в ответ на прямо заданный вопрос все-таки не следовало.

– Наверное, мне было не до этого! – засмеялась она.

Ее смех прозвучал в темноте таинственно и завлекающе. Вера почувствовала, как Кирилл повел плечами, и поняла, что совсем скоро, уже через несколько минут, он захочет ее снова.

– Почему? – повторил он.

Уйти от ответа было не так-то просто. Он привык до конца выяснять то, что его интересовало. А Вера интересовала его вся и сильно, этого невозможно было не замечать.

– Ну, я разошлась с мужем, как раз когда случился дефолт, – нехотя объяснила она. – Надо было как-то устраивать свою жизнь. Обычную жизнь, не интимную. Это оказалось непросто.

– И что ты стала делать?

Она расслышала в его голосе неподдельный интерес. Почти такой же, какой почувствовала в его руках, когда он раздевал ее.

– Работать. Что еще я могла делать? Только работу пришлось искать новую, потому что издательство разорилось. Так что какие мужчины? Мне было не до них.

Что такое были поиски работы осенью девяносто восьмого года, Вера рассказывать не стала. Может, он и сам это знает. Хотя откуда ему такое знать? Он, наверное, в то время срочно менял стратегию и тактику маркетинга. Или изобретал какие-нибудь бонусы, чтобы заманить клиентов в свои отели. Или даже продал который-нибудь из отелей. Но, уж во всяком случае, не мыл подъезды в двух девятиэтажных домах.

– Странно... – произнес Кирилл.

В темноте удивление прозвучало в его голосе особенно отчетливо.

– Что странно? – не поняла Вера.

– Да вот это, что ты говоришь. Какие мужчины! Любая женщина твоей внешности первое, о чем подумала бы в сложной ситуации, это вот именно о том, чтобы найти такого мужчину, на которого можно переложить все свои трудности.

– Не знаю, – пожала плечами Вера. И тут же улыбнулась: – Видимо, таких мужчин оказалось значительно меньше, чем женщин с трудностями. На всех не хватило.

– Да ведь ты и не искала! – Он резко повернулся и, опершись локтями о подушку, положил руки Вере на плечи. – Не искала ведь, а?

Ответить Вера не успела: Кирилл закрыл ей рот поцелуем. Ну и хорошо! Целоваться с ним было приятно – губы у него были страстные, но не грубые, – и можно было не рассказывать того, что рассказывать не хотелось.

– Ну и не рассказывай, раз не хочешь. Я сейчас рад ничего о тебе не знать, – шепнул Кирилл, на мгновение прерывая поцелуй. – Ты сейчас со мной как в первый раз, – добавил он, снова наклоняясь к ее губам.

– Я с тобой действительно в первый раз, – успела ответить она.

– Не со мной, не то... Ты вообще как в первый раз...

Но тут уж у нее не осталось времени на то, чтобы сказать еще какую-нибудь глупость или несвязность. Они только в голове у нее мелькали, несвязности, пока она отвечала на его поцелуи.

«Мне хорошо... – таяло в ее сознании. – С ним приятно... Но зачем он спрашивает? Почему не искала, на кого переложить... Я сама не знаю!»

Она не обманывала Кирилла, когда не хотела отвечать на этот его вопрос. Она не обманывала и себя – теперь, когда он целовал ее в темноте и в голове у нее мелькали последние сколько-нибудь связные мысли. Она действительно не знала, почему не искала мужчину в трудную минуту жизни, не знала, почему ей даже в голову не пришло искать его, чтобы избавиться от трудностей.

Чтобы это в себе понять, надо было заглянуть слишком глубоко. Надо было заглянуть даже не в себя. Но куда? Она не знала.

Глава 8

– Неужели приехали, Игнат Михайлович?

Голос у Иннокентия Платоновича дрогнул. То ли от облегчения, то ли от тревоги, такой же лихорадочной, как алые болезненные пятна на его впалых щеках.

В зарешеченное окно теплушки врывал летний зной – влажный, тяжелый. Тишина висела в воздухе, настоящая таежная тишина. Даже лай собак и крики конвоиров не заглушали ее.

– Похоже.

Игнат почувствовал, как и у него что-то дрогнуло в сердце. Хотя за полтора года следствия и этапа он почти отвык от сложных душевных движений, которые для Иннокентия Платоновича, несмотря ни на что, остались естественными, как дыхание.

Они с Иннокентием были арестованы в одну ночь и попали той ночью в одну камеру. Конечно, они проходили по разным делам, иначе было бы невозможно не только совместное заключение, но даже случайная встреча в коридоре; за этим на Лубянке следили строго. Да и не только на Лубянке, наверное. Проведя год в тюрьме, Игнат поймал себя на мысли, что вся страна представляется ему чередой одинаковых тюрем с одинаковыми коридорами и одинаковыми в своей фантазмагоричности порядками.

Когда он попал с Иннокентием на один этап, то обрадовался этому, хотя внешне никак своей радости не выдал – даже не из-за обычной своей сдержанности, а лишь потому, что для выражения каких бы то ни было чувств у него просто не осталось сил. Но Иннокентий был наилучшим спутником, какого можно было желать. Если вообще можно было желать каких-нибудь спутников в том пути, который ему тогда предстоял.

И вот этот путь был, похоже, окончен.

Дверь теплушки с лязгом отъехала в сторону.

– Выходи! – гаркнул конвоир.

Дальше все было так же, как на всех предыдущих остановках – когда меняли паровоз, или состав, или почему-то даже направление пути. Этап, начавшийся в феврале, растянулся на всю весну и начало лета. Игнат находил этому только одно объяснение: что их, всем огромным этапом, просто не знают куда девать. Как будто бы жерло, жадно глотающее людей, насытилось наконец и даже пресытилось. Объяснение было бредовое. Но в последние полтора года вся его

жизнь напоминала бред, и нынешний бред был ничем не удивительнее прежнего.

Зэки высыпались из вагонов и привычно сели на корточки. Состав был так длинен, что конца его не было видно, и казалось, не весь он еще доехал до этого, обычно, наверное, глухого, а теперь ставшего шумным полустанка. Зэки ждали, когда их пересчитают – возможно, не один раз. Конвоиры вообще были тщательны в счете, а поскольку он давался им с трудом – одного взгляда на их лица, отмеченные, как говорил Иннокентий, неизгладимой печатью вырождения, было достаточно, чтобы понять, почему, – так вот, поскольку счет давался им с трудом, в дороге они пересчитывали зэков по несколько раз подряд. В этих изнуряющих повторях было что-то исступленное. Особенно один пересчет врубился в память унижением и страшной бессмысленностью.

Это было в феврале, на подъезде к Уралу. Посередине вагона топилась маленькая чугунная печка, но она почти не давала тепла, и мороз в вагоне стоял едва ли не такой же, как на улице. Жить – то есть, конечно, не жить, а поддерживать убогое существование – можно было только на верхних нарах, где и сгрудились все сорок зэков. В том, что их именно сорок и в дороге никто не убежал, начальство решило убедиться, когда поезд остановился в глухом станционном тупике Свердловска. Уже потом выяснилось, что заключенных приказано было доставить в Свердловскую пересыльную тюрьму. Тогда же, на станции, цель эта была еще никому не ясна. Зэков просто согнали на правую сторону нар, а потом по команде заставили переползать на левую сторону по доске, перекинутой над проходом.

Вид заросших бородами и грязью, истощенных мужчин, ползущих на четвереньках по доске под выкрики конвоиров, был таким жутким, что Игнат не надеялся забыть это в своей жизни никогда. Впрочем, неясно было, сколько ее осталось, жизни.

И вот теперь, когда они наконец построились в колонны и куда-то двинулись, Иннокентий начал задыхаться уже через пять минут.

– Я должен был... гимнастику в пути... – с трудом, под каждый шаг, выговаривал он. – Ведь знал, что когда-нибудь... приедем... Но я думал, что, возможно, не доживу.

Последнюю фразу он произнес извиняющимся тоном. Ему было неловко оттого, что он все-таки дожил, и теперь вот его незаметно поддерживают, почти на себе тащат. Едва ли, правда, Игнат делал это действительно незаметно, просто конвоирам было сейчас не до того, чтобы наводить настоящий порядок в колонне. Конвоиры были те же, что сопровождали этап всю дорогу, они торопились доставить эков в лагерь, а там пусть другие их порядку учат.

– Ничего, – сказал Игнат. Иннокентий запинался и спотыкался уже так часто, что он попросту взвалил его себе на плечо, плюнув на возможное недовольство конвоиров. – Дойдем. Комаров перетерпите только. А гимнастика все равно бы не помогла. Влажно. Жара.

Он говорил отрывисто, чтобы не открывать рот надолго: комары тучами стояли над колонной, облепляли тела, облитые потом, лезли в глаза, в нос, в рот...

– Да, в Сибири летом... бывает особенно очевиден... континентальный климат... – прохрипел Иннокентий. – Извините, Игнат Михайлович, я помолчу. И комары... И чтобы силы не терять.

Игнат чуть не улыбнулся. Иннокентий полагал неловким свое молчание! Он знал, что Игнат находит какое-то облегчение в общении с ним, а потому считал для себя не только удовольствием, но и долгом развлекать товарища разговорами.

Болезнь так истончила Иннокентия, что Игнату даже и не тяжело было тащить его на себе. Скорее всего, это был туберкулез. Хотя кровохарканья не было – может, просто затяжной бронхит. Может, выздоровеет еще. Ну да никто из них не гадал на будущее, ни далекое, ни даже близкое.

Когда за деревьями выросли лагерные вышки, Иннокентий был уже почти без сознания. Вяло растерев по лицу кроваво-серую кашу из комаров, он мутно взглянул на панораму, которая открылась, как только колонна вышла на огромную, вырубленную в тайге поляну, обнесенную колючей проволокой. Ее даже и поляной нельзя было назвать – это был целый город, застроенный бараками. Или, по крайней мере, большое село.

«Только церкви не хватает», – усмехнулся про себя Игнат.

Его-то порог выносливости был несравнимо выше, чем у Иннокентия, потому и сил у него хватило даже на усмешку.

– Было бы хорошо, если бы мы попали в один барак, – чуть слышно просипел Иннокентий.

Все-таки за полтора года он не приобрел никаких зэковских привычек, не усвоил никаких суеверий! Ну разве такое произносят вслух?

Но, как ни странно, он не отпугнул удачу. Они с Игнатом в самом деле оказались в одном бараке и даже рядом на нарах.

– Нам повезло с местами! – по-детски восхитился Иннокентий.

Хотя вряд ли их места можно было считать везением: они были во втором ярусе, где зной усиливался поднимающимися вверх испарениями десятков немых тел. Впрочем, Игнат уже знал, что Иннокентий таких вещей не замечает. Он не то чтобы опускался в тех условиях, которые и были рассчитаны на то, чтобы люди теряли человеческий облик, – он просто не замечал физической составляющей этих условий. Та тонкая, сложная жизнь, которая была присуща его духу и которой весь он жил настолько полно, что искренне полагал ее единственной формой человеческой жизни, вырывалась из любых внешних условий. Игнату казалось, что именно эта тонкая жизнь рвется из худого Иннокентьева тела вместе с каждым приступом кашля. Он старался об этом не думать.

Пока новичков вели через тайгу, пока распределяли по баракам, наступил вечер.

– Лягайте уже, – недовольно сказал зэк, место которого было прямо под Игнатом и Иннокентием. – Порхаетесь, порхаетесь. Все одно подохнете.

Он был похож на конвоира, этот зэк, только на давно не кормленного конвоира. Вряд ли он был из блатных, иначе разговаривал бы с политическими по-другому да и жил бы в другом углу барака. Может, сел за случайную кражу. А может, сосед по коммуналке хотел получить его комнату больше, чем того же хотел он сам, и написал на него донос быстрее, чем сам он успел подсуетиться на тот же счет.

– Почему вы так думаете?

Иннокентий свесил голову вниз и задал этот вопрос прежде, чем Игнат успел его остановить. Оказавшись в бараке, он немного отдышался, пришел в себя, и в нем проснулся всегдашний интерес к людям и мнениям.

Сосед снизу презрительно оглядел Иннокентия.

– А ты чего думал, тебя сюда на гульки пригнали? Тайгу валить. Покудова сам не свалишься.

Игнат увидел, как сразу помрачнело лицо Иннокентия. Даже не помрачнело, а подернулось нездешней тенью. Когда такая вот тень набегала на его лицо, у Игната внутри возникало то же самое чувство, как когда Иннокентий выкашливал из себя жизнь.

– Заткнись, – тоже свесив голову вниз, сказал он. – Чтобы я тебя больше не слышал.

Он с первого взгляда понял шестерочную природу обитателя нижних нар и, как выяснилось, не ошибся. Тот заткнулся сразу же, от одного Игнатового голоса. Правда, и голос был не из ласковых.

– Ложитесь, Иннокентий Платонович, – сказал Игнат. – И правда, отдохнуть надо.

Ему не казалось странным, что Иннокентий называет его по имени-отчеству после долгих месяцев, проведенных бок о бок в таких условиях, которые не располагали к церемониям. В поморской деревне, где он вырос, назвать взрослого мужчину без отчества считалось не то что неуважением, а даже оскорблением. Так что, попав в Москву, Игнат воспринял городской этикет естественно и так же естественно воспринимал его правила в любых условиях. И сам называл Иннокентия по отчеству, тем более что оно было простое, какое-то ласковое и выговаривалось само собою.

Иннокентий уснул сразу. Вся его природа, вот эта, нездешняя, была такова, что он легко переходил к той нездешней же жизни, которой был сон.

Игнат бессонно смотрел на темные балки потолка, и сна ни в одном глазу у него не было.

Он этому не удивлялся: знал, что сон от усталости сваливает его только в том случае, если усталость имеет живое, осмысленное происхождение. В ранней юности, когда ходил со взрослыми мужиками весельщиком на карбасе промышлять белуху, он засыпал как убитый, едва коснувшись головой любой твердой поверхности. И когда работал в Москве на стройке, тоже засыпал сразу. Конечно, та работа была вынужденной, нелюбимой, ее не сравнить было с промыслом рыбы в Белом море. Но все-таки и она, стоило только начать, постепенно захватывала, приобретала тот смысл, который не зависит даже от цели труда, а заложен в самой его глубоко правильной сути. И потому он уставал на стройке тоже и засыпал тоже мгновенно.

А теперь он устал не от работы. Он уже потерял счет времени, в течение которого уставал не от работы, а от ночных допросов, побоев, голода, жажды, тупых, бессмысленных действий, к которым свелась лишенная чувств и мыслей жизнь. Если бы не Иннокентий с его нездешней душой, Игнату вообще пришлось бы плохо. Иннокентий научил его цепляться сознанием за каждую приметку другой, не связанной с ежедневной безнадежностью, жизни. То есть он ничему Игната не учил, конечно. Он просто жил рядом так, как только и мог жить, и этого оказалось достаточно.

Игнат был потрясен этим еще в то утро, когда Иннокентия втолкнули в камеру после трех суток допроса и, едва придя в себя, он сказал:

- Надеюсь, я не назвал никаких фамилий. Я же не мог оклеветать людей.

И замолчал на сутки – видимо, пытаюсь вспомнить, так ли это, и мучаясь сомнениями. А после следующего допроса, длившегося уже четверо суток, выговорил почти неслышно, но с радостью в голосе:

- Действительно не назвал! Ведь на этот раз они спрашивали меня о том же самом. И протокол с прошлого раза оказался не подписан. Это прекрасно.

И Игнат понял, что так оно и есть: не назвал. Даже не потому понял, что сам тоже не подписывал никаких их блядских протоколов, а потому, что выговорить слово «прекрасно», лежа почти без жизни на холодном каменном полу, мог

только особенный человек. Каким и являлся Иннокентий Платонович Лебедев, по специальности ботаник.

Иннокентий закашлялся и кашлял долго, надрывно. Но все-таки не проснулся: кашель стал таким привычным для него, что уже не будил. Скосив глаза – он давно уже научился видеть почти в полной темноте, – Игнат понял, что сон Иннокентия глубок и безмятежен, будто он спит и не в душном бараке. Может, ему снится лестница Ламарка, которую, как он однажды сказал, можно считать эволюционным аналогом лестницы Иакова. И тут же объяснил Игнату, что такое лестница Иакова – та, по которой Иаков поднимался к ангелам, то ли во сне, то ли в каком-то другом состоянии. Игнат, конечно, читал Библию в детстве – он ходил в церковно-приходскую школу, да и мать, как все у них в Колежме, была богомольна, – но мало что с той поры помнил. А потом, когда Библию читала Ксения, он отшатывался от этого, как отшатывался от всего, что отделяло от него Ксёну, вводило и наконец увело совсем.

Воспоминание о жене коснулось его осторожно, почти неощутимо – так, как сама она касалась когда-то его щеки рукой. Тогда он чувствовал ее прикосновение даже во сне, но и тогда уже поражался тому, что чувствует его как-то... неосяземо. Будто это и не прикосновение женской руки, а лишь мысль, или взгляд, или даже одно только неясное стремление коснуться его щеки рукою.

Может, сейчас как раз и надо было думать о таких вот неосяземых стремленьях, взглядах, касаньях, из которых сплошь состояла его жена. В них не было того жара, который так тревожен для тела, и поэтому для его тела в нынешнем состоянии – измученном, бесцельно напряженном – спокойные мысли были бы благодатны.

Но Игнат думал совсем о других прикосновениях и взглядах. От них весь он загорался еще тогда, когда они были хотя и краткой, но реальностью. И даже теперь все его тело отозвалось на одно лишь воспоминание о них сразу и с такой неожиданной силой, что у него потемнело в глазах, хотя в бараке и так уже было темно, хоть глаз выколи.

«Ты хоть живая, а? – с тоской спросил Игнат. – Может, помереть мне, чтоб до тебя дойти? Или рано? Живая ты?»

Она молчала. Она вообще ни разу не сказала ему ни слова. Это казалось ему странным, и не потому, что он был мистиком. Какое! Он считал мистику порождением праздного ума, и люди, которые были ею увлечены, вызывали у него лишь снисходительную брезгливость. Но его связь с Эстер, вся державшаяся на таком желании телесности, которого он иной раз даже стыдился, была слишком сильна, чтобы быть молчаливой. В конце концов, что такое слова? Не до конца материализовавшиеся мысли. И если его мысли об Эстер материализуются настолько, что он видит ее яснее, чем наяву, и отзывается на это всем телом, будто подросток, то почему бы ей не сказать ему, где она и что с ней? Он, право, не удивился бы, если б сказала.

Но она молчала. Ни слова за два года, что они не виделись.

Он вспомнил их встречу два года назад и заскрипел зубами, едва сдержав почти животное мычанье. Все-таки простая, мужицкая его природа была слишком сильна. Вот Иннокентий думает, наверное, об ангелах, порхающих по лестнице эволюции, и спит себе безмятежным сном. А он думает о женщине, которая вся огонь, и не то что заснуть – тело свое успокоить не может.

Игнат перевернулся на живот: может, полегче станет.

«Тайгу пойдешь валить, сразу полегчает, – злясь на себя, подумал он. – Сколько из тебя дурь выбивают, все никак не выбьют».

Ну, это, положим, было глупостью. Можно подумать, его сменявшие друг друга следователи были озабочены тем, чтобы он перестал думать об Эстер! Они даже не знали о ее существовании, и слава богу. Их интересовала эмигрантская организация, которую он якобы сколотил во время командировок за рубеж, и все выбивание из него дури, которым они занимались с завидным упорством целый год, было направлено как раз на то, чтобы он сообщил им состав и цели этой мифической организации.

Сначала эти обвинения казались Игнату такими дикими, что он захлебывался от бессильной ярости. А потом возмущаться перестал. В конце концов, обвинения не абсурднее других. Вон еще одного инженера, его соседа по камере на Лубянке, обвиняли в том, что он, пользуясь полученными в дореволюционных университетах знаниями, составил проект туннеля, по которому враги народа собирались проникнуть из смоленских лесов в Кремль и убить товарища

Сталина. А тихий математик из липецкой школы был объявлен агентом трех разведок – английской, немецкой и французской. Он знал все три эти языка, и какие же еще выводы можно было из этого сделать? Зачем знать три языка провинциальному математику?

Так что обвинения, предъявленные Игнату, выглядели не такими уж и бессмысленными. За границей он в самом деле бывал – в Чехии, во Франции, в Норвегии. А в Германии даже жил целый год, когда учился в Берлинской высшей технической школе. Правда, фашисты считались друзьями, поэтому злодейскую организацию он, согласно обвинениям, сколотил не в Берлине.

Он-то фашистов друзьями как раз не считал, потому что за год все про них понял. Он знал, что с ними придется воевать, и, вероятно, очень скоро. Но объяснять это следователям, конечно, не стал. Не то, может, не десять лет получил бы по пятьдесят восьмой статье, а пулю.

Стоило Игнату вспомнить обо всем этом – о следователях, о злодейской организации, – как на него сразу навалилось что-то вязкое, тусклое, однообразное. Сейчас это было даже хорошо, потому что, возможно, помогло бы наконец уснуть. А уснуть следовало. Вряд ли им дадут хотя бы завтрашний день на то, чтобы прийти в себя после этапа и набраться сил перед работой. Похоже, сосед снизу был прав: их пригнали сюда только для того, чтобы валить тайгу, и будут держать здесь до того часа, когда они свалятся в этой тайге замертво. И особо отдалять этот час здешнее начальство не собирается. Значит, его надо отдалить самому.

Игната зло брало, когда он думал, что сдохнет здесь, как тягловая скотина, без всякого смысла. Значит, он должен беречь силы – может, со временем какой-нибудь смысл в его жизни все-таки прорежется.

Через минуту он провалился в сон – тяжелый, глухой, без лестниц и ангелов. И без Эстер.

Первое, что сделала Вера, как только их с Кириллом отношения приобрели повседневную ясность, – ушла с работы.

Она сделала это легко, без размышлений. Хотя еще полгода назад извелась бы подобными размышлениями, и извелась бы даже не столько из опасения, что вместе со скучной, но стабильной работой из ее жизни исчезнет уверенность в завтрашнем дне, сколько от сознания того, что становится содержанкой.

«Слово-то какое – содержанка! Прямо французский роман», – насмешливо подумала она теперь, удивляясь себе прежней.

Связь с Кириллом переменяла ее совершенно. Она словно живой водой умылась, получив в свое безраздельное пользование этого мужчину. И как же это оказалось приятно! Вера чувствовала не только в теле, но во всем своем существе такую свежесть, такую молодую легкость, что, просыпаясь утром, даже глаза снова зажмуривала и думала: «Неужели это в самом деле я? Не приснилась я себе другою?»

Конечно, не приснилась. Даже Сашка заметил произошедшие с ней перемены, хотя обычно Верин брат не обращал внимания на такие мелочи. В этом смысле он был как раз из тех анекдотических мужчин, которые, если возмущенная их неприметливостью жена наденет противогаз и спросит, не замечает ли муж изменений в ее внешности, только и поинтересуются: «Ты волосы покрасила, что ли?»

Но нынешние изменения в Вериней внешности заметил даже Сашка.

Он приехал, как всегда, неожиданно, без звонка. Вера уже почти на пороге стояла: они с Кириллом собрались на концерт в консерваторию, и он вот-вот должен был за ней заехать.

– Ничего себе!

Сашка даже головой покрутил, разглядывая сестру, которая ради его появления вернулась из прихожей в комнату.

– Что – ничего себе? – довольно улынулась Вера. – Платье красивое?

- Все ничего себе. Замуж ты, что ли, вышла? - спросил Сашка.

- Нет, все-таки вы невозможные! - засмеялась Вера. - Почему обязательно замуж?

- Кто - мы? - уточнил Сашка.

- Мужчины.

- Если и не замуж, то мужика точно завела. - Он улыбнулся в ответ. От улыбки в его взрослых глазах на мгновение мелькнули мальчишеские дерзкие искры. - Скажешь, нет?

- Скажу - да, - кивнула Вера. - Между прочим, замужем я уже была, если ты помнишь. Но что-то ты тогда от изумления не ахал. А что ты сейчас во мне заметил? - с любопытством спросила она. - Скажи, Саш!

- Ну-у... - Все-таки Сашка не привык размышлять на подобные темы и тем более формулировать подобные мысли. - Ты красивая опять стала! - выпалил он.

- Что значит - опять стала? - удивилась Вера.

- Ну, ты, конечно, всегда красивая была. В смысле, фигура, черты лица, все такое. Но последний раз ты была красивая в шестнадцать лет. Понимаешь?

- Ничего не понимаю! - засмеялась Вера. - Толково ты объясняешь, братец. Красивая всегда, но только в шестнадцать лет. Логического противоречия не замечаешь?

- Заботы у тебя слишком рано начались, Вер. - Сашка вдруг стал серьезным. - Слишком взрослые заботы. И никто тебе толком не помог.

- Ты-то мне всегда помогал, - напредила она.

- Ага, - усмехнулся Сашка, - особенно когда по Карелии шлялся. Или в тюрьге отдыхал.

Возразить на это Вере было нечего. В самом деле, именно в те два момента ее жизни, когда она чувствовала себя совершенно беспомощной – когда она была на первом курсе и родился Тимка и когда случился дефолт, во время которого она осталась без мужа и без работы, – именно в это время Сашка не мог ей помочь. Но ведь во все остальные времена он всегда помогал ей! Да и вообще, разве она любила его за помощь или пользу, которая ей от него происходила? Она и сама не могла бы объяснить, за что любит его. За дерзость, бесстрашие, которыми он переполнен даже теперь, когда все это кажется больше не существующим в нем и одна Вера знает, что оно все-таки существует, только под спудом? Нет, даже не за это... Да просто за всю жизнь!

Вера понимала: даже если бы ее брат был в свои взрослые годы не таким, какой он есть, а скучным, боязливым, ко всему равнодушным человеком, то и тогда никуда не исчез бы каждый день их общего детства.

Тот день необыкновенно жаркой весны, когда они, шестилетние, улизнули со двора и поехали одни в центр, на Пушкинскую площадь, и впервые в жизни пошли одни в кафе «Север» есть мороженое, совсем не такое, как в вафельных стаканчиках, не белое и даже не шоколадное, а разноцветное.

И тот день холодной осени, когда они возвращались из школы и Жорка Городцов бросил в Веру твердым комом земли и попал прямо в глаз, так что она даже сама не поняла, что случилось, только слезы брызнули, а Сашка понял сразу и сразу перемахнул через забор, догнал Жорку и отмутузил до крови.

И тот день, огромный и непонятный, когда они сидели у папы на двух руках, очень высоко над землей, и Вере сначала было страшно сидеть так высоко, но потом она посмотрела не вниз, а перед собою, и ей показалось, что Сашка – это не Сашка, а она сама, только в каком-то живом зеркале, и она сразу перестала бояться. Это был самый первый день, в который она запомнила себя, им с Сашкой было тогда года по три, наверное, а когда они уже стали взрослые и Вера рассказала ему о своем первом сознательном дне, то выяснилось, что и для Сашки он тоже был первый...

События этих и бесчисленного множества других дней никто не готовил специально, ведь это были не дни рожденья, не новогодние праздники. И связь Веры с братом потому была так сильна, что, словно невидимая волшебная сеть, держалась на таких вот неожиданных событиях-опорах.

В этом была тайна из тех, которые лежат где-то в самых основах жизни. Такая же, какую Вера поняла, когда акушерка подняла перед нею новорожденного Тимку, держа его под живот широкой ладонью. Когда Алексей Гайдамак взглянул на нее волчьим, неизвестно что знающим взглядом. Таких тайн в мире было очень немного, и Вера догадывалась, что есть люди, которые ни одной такой тайны за всю свою жизнь не узнали. Она только не понимала, как живут на свете такие люди? Чем они живут?

- Я из журнала ушла, Саш, - сказала Вера.

Она постаралась поскорее отогнать от себя эти мысли. О тайнах нельзя было думать много и рассудительно.

- Давно пора, - кивнул Сашка. - Сколько раз я тебе говорил? - И добавил со смешной важностью: - Ну чего ты до сих пор сомневалась, Вер? Я ж не из последних у тебя. Даже если опять посадят, всех денег уже не отнимут. Сестру-то единственную прокормлю как-нибудь.

- Типун тебе на язык! - рассердилась Вера. - За что это тебя опять посадят?

- Был бы человек, а статья найдется, - махнул рукой Сашка. - В общем, правильно сделала, что контору свою тухлую бросила. Поживи как нормальная женщина. В этих отмокни, как их... В СПА!

В роскошном СПА-центре Вера побывала как раз вчера и с удовольствием провела там целый день. Она рассмеялась - брат словно в воду глядел.

- Уже отмокла, - сказала она.

- А мужчина твой, между прочим, чем занимается? - небрежным тоном поинтересовался Сашка.

- Между прочим, отелями владеет, - в тон ему сообщила Вера. - Пятизвездной сетью.

- Пятизвездной сетью... - зачем-то повторил Сашка.

- Ты что?

Вера удивилась его странному тону. Он тряхнул головой, будто прогоняя наваждение, и сказал слегка смущенно:

- Да так. Красиво звучит. Как в небе.

Он сказал не очень понятно. Но Вера, конечно, поняла.

Она подошла к брату и взъерошила челку, падающую ему на лоб дерзким росчерком. И голос у него с детства изменился, и взгляд, а вот этот росчерк челки остался прежним.

- А я еще гадаю, в кого у меня сын поэт, - улыбнулась она. - Так в дядю родного!

- Ну уж! - хмыкнул Сашка. - Я же как Незнайка.

- В смысле?

- В смысле, тоже не понимаю, почему палка-селедка - это не в рифму. А сеть отелей - это правильно, - заключил он. - Будет гордиться, что ему досталась такая женщина.

- Думаешь, будет?

- А то! Мы же примитивные, Вер, - хмыкнул братец. - Раз у нас женщина красивая, значит, мы по всему жизненному фронту молодцы. Значит, удачу за хвост поймали. И по большому счету, так оно и есть. - Тут он поймал взгляд, который Вера бросила на часы, и сказал: - Ухожу-ухожу! Или отвезти тебя куда-нибудь?

- Кирилл сам за мной приедет, - ответила Вера. - Дождись его, познакомлю.

- В другой раз, - отказался Сашка.

- Юле привет. Как дети?

- Передам. Дети растут.

Как поживает его жена Юля, Вера в подробностях расспрашивать не стала. Невестку она не то что не любила, но как-то... Каждый раз, когда она видела Юлю, то думала, что Сашкина внешняя жизнь могла бы хоть немного соответствовать внутренней. И что между его детством, его юностью и его взрослой жизнью необязательно должна была разверзнуться такая пропасть. Но высказываться на этот счет было бы просто бессовестно. И Вера не высказывалась.

Тем более что ничего вопиющего в Сашкиной семейной жизни и не было. С Юлей он жил уже пятнадцать лет, и жил, как это принято называть, хорошо. Она хорошо смотрела за ним и за детьми. Она была довольно красивая – может, не такая, чтобы муж мог гордиться, что поймал за хвост удачу, но все-таки вполне привлекательная. Сыну их было четырнадцать лет, а дочке тринадцать. Вера считала этот возраст опасным и полагала, что отец детей, которые пребывают в опасном возрасте, сам должен пребывать в состоянии полного равновесия. А брат и сам по себе был склонен ко всяческому экстриму, чтобы она стала еще дополнительно его будоражить.

Сашка уехал, сразу же приехал Кирилл, тут выяснилось, что за разговорами с братом Вера забыла подшить чуть отпоротившийся подол вечернего платья, она стала подшивать, из-за этого они едва не опоздали на концерт... В общем, жизнь пошла ровно, и в ровности ее хода впервые не было унылого однообразия, а было, наоборот, обещание чего-то повседневно приятного. И не обманывающее это было обещание!

Глава 10

Все-таки сидеть целыми днями дома – это оказалось не для нее.

Примерно через три месяца Вера поняла, что отмокла в самых душистых водах, отмякла в самых экзотических обертываниях и перепробовала все виды маникюра, которые, оказывается, появились за время ее, как она теперь это называла, женского анабиоза. Но она была слишком деятельна, и умягчение собственного тела было совершенно не тем занятием, которое могло бы

удовлетворить ее жажду деятельности. К тому же Вера еще в юности заметила, что устает, перебирая тряпки, просто физически устает, притом неважно, в связи с чем она их перебирает – в связи с уборкой в шкафу или с посещением бутиков эксклюзивной одежды.

Да, теперь Вера решила одеваться именно в таких бутиках. Кирилл давал ей достаточно денег, и она рассудила, что глупо тратить их на что-либо, не имеющее к нему отношения. Покупать, к примеру, новый кухонный гарнитур она на его деньги не стала бы, потому что они с Кириллом не жили общим домом и ее кухонный гарнитур не должен был его волновать. Конечно, он не стал бы возмущаться, если бы она купила гарнитур, и, скорее всего, даже не заметил бы этого. Но вот именно же, что не заметил бы! А платье – неожиданное какое-то платье, совсем без декольте, но с полностью открытой спиной, – в котором Вера была на вечере в концертном зале его отеля, когда там играл оркестр Спивакова, он очень даже заметил. А она заметила завистливые взгляды, которые бросали на Кирилла коллеги по бизнесу, и порадовалась, что правильно распорядилась его деньгами.

Но вообще-то платье было мелочью. Кирилл не выгадывал, какого уровня подарков заслуживает его женщина на том или ином этапе отношений. Во всяком случае, кольцо и серьги с крупными сапфирами, окруженными дорожками бриллиантов, он подарил ей уже через месяц после знакомства. Хотя к тому времени их интимные отношения ограничивались всего несколькими совместными ночами и Вера не могла с уверенностью сказать, как они будут развиваться дальше.

Правда, она и не рассматривала сапфиры с бриллиантами как знак устойчивости отношений. Природа наделила ее быстрым умом, и она сразу поняла, что Кирилл подарил ей драгоценности не в благодарность за удовольствия уже полученные и не в качестве аванса за удовольствия будущие. Просто подарил, и все. Это было воплощением той самой мысли, которая пришла ей в голову, когда она впервые увидела его в супермаркете: «Но кому-то же этот мужчина дарит бриллианты, спит же с кем-то... Почему не со мной?»

Теперь он спал с ней и ей дарил бриллианты. Для того чтобы произошло такое головокружительное преобразование судьбы скромной служащей, понадобилось всего несколько месяцев.

И ровно столько же времени понадобилось для того, чтобы ей надоело сидеть без работы.

Кирилл сразу об этом догадался. Видимо, когда руководишь многими людьми, обычная проницательность повышается тоже во много раз. Во всяком случае, Вера отнесла его догадливость именно на этот счет.

В тот вечер они никуда не пошли. Кирилл летал на два дня в Цюрих, вернулся усталый, Вера даже по телефону расслышала усталость в его голосе и предложила приехать к нему. А когда он встретил ее в джинсах и клетчатой рубашке и сказал, что сейчас оденется и они куда-нибудь пойдут, – она рассмеялась, тут же расстегнула на нем рубашку и сказала, что пойдут они куда-нибудь несомненно, но для этого ему нужно не одеться, а раздеться, потому что пойдут они в кровать. И через минуту они уже оказались в кровати, и Вера была в этот вечер так изобретательна, что Кириллова усталость прошла очень быстро.

И вот они лежали рядом, чрезвычайно довольные друг другом, и Кирилл спросил:

– Ты скучала без меня?

– Скучала, – загадочно блеснув глазами и сделав секундную, почти – но только почти! – незаметную паузу, ответила Вера.

Она умела отвечать на его вопросы так, чтобы он каждую минуту ловил удачу за ускользающий хвост.

– Тебе скучно стало дома, – вдруг сказал он. – Ты захотела работать.

– Ничего себе! – восхитилась Вера. – А откуда ты знаешь?

– Ты сама мне об этом сказала.

– Когда это? – не поняла она.

– Не напрямую, а так... Ты слишком мне обрадовалась.

– Ну знаешь ли! – обиделась Вера. – Если ты считаешь, что на самом деле я тебе не рада, а просто притворяюсь...

– Ты не притворяешься. – Кирилл посмотрел на нее тем внимательным взглядом, который ей особенно нравился. Это был взгляд человека, который не остался у обочины жизни. – Я неточно выразился. Ты обрадовалась мне сегодня не только как своему мужчине, но и как некоторой отмене повседневной скуки.

Слышать слова «своему мужчине» было из его уст очень и очень приятно. Кирилл был точен в выборе слов, так что они не могли вырваться случайно.

– Вообще-то да, – кивнула Вера. – Я не гожусь в домохозяйки.

И тут же прикусила язык. Не хватало еще, чтобы он расценил ее слова как предложение совместного проживания! Эту тему они еще не обсуждали, но Вера твердо решила: если Кирилл заведет разговор о житье-бытье под одной крышей, она осторожно и ласково, но твердо подобный разговор прекратит.

Вообще-то не было никаких причин для того, чтобы не жить с ним вместе. У него был отличный дом в Ильинском, в пятнадцати минутах езды от Кольцевой. Кирилл купил его у каких-то давних владельцев и полностью перестроил, превратив советскую дачу в стильный коттедж. Жить в этом доме было бы удобно и приятно. Одна встроенная техника чего стоила! Вера чувствовала себя в сверкающей кухне, как на космической станции, и с детским восторгом училась пользоваться умными приспособлениями, напомиравшими то ли гномов из сказок братьев Grimm, то ли скатерть-самобранку из русских народных сказок.

Но переезжать в этот великолепный дом насовсем она не хотела. И ни за что не призналась бы Кириллу в истинной причине своего нежелания... Причина была не из тех, которые нормальному человеку пристало называть вслух.

Кирилл был неудобный. То есть в прямом смысле слова неудобный – у него было неудобное тело. Вера представить не могла, что мужское тело может быть таким! Даже у Димы с его пивным животиком тело было очень удобное, и лежать на Димином вялом плече было приятнее, чем на подушке. И не только потому, что Дима вообще был мягкий и рыхлый, как подушка. У тех

немногочисленных мужчин, с которыми Вера ненадолго сходилась между рождением сына и замужеством с Димой, тоже были удобные тела – красивые или не очень, но всегда с какими-то ладными ложбинками, впадинками, выступами. А у Кирилла, единственного мужчины, с которым ей было хорошо, причем во всех смыслах хорошо, а в сексуальном так просто прекрасно, – именно у Кирилла тело оказалось таким неприспособленным к ней, что Вера не могла найти на всем его гармоничном теле ни единого местечка, к которому хотелось бы прислониться. Когда она оставалась у Кирилла, то всю ночь ее голова скатывалась с его крепкого плеча, рука сползала с плоского живота, а ноги, сплетенные с его мускулистыми ногами, затекали так, что по ним бежали мурашки.

Но как взрослой женщине сослаться на такую вот причину, объясняя свое нежелание жить одним домом с мужчиной, который подходит ей во всем и за встречу с которым можно только благодарить судьбу?

По счастью, Кирилл не воспринял ее слова как-нибудь неправильно. В данный момент его занимало то, что Вера заскучала без работы, и он хотел исчерпывающе прояснить для себя, что она собирается делать.

– Кем же ты хочешь работать? – спросил он.

– Не знаю... – задумчиво проговорила она. – Наверное, английский преподавать. Все-таки это моя специальность.

– В школе? – удивился Кирилл. – С трудом тебя там представляю.

– Не в школе, конечно. – Вера доверяла Тимкиным впечатлениям, к тому же ее совсем не прельщало заполучить в начальницы очередную Аглаю Звон в лице школьной директрисы. – Я на какие-нибудь курсы пошла бы.

– Учиться? – не понял он.

– Работать. Вела бы английский в небольшой группе, просто для удовольствия. Методики, конечно, сейчас новые. Но любую методику можно освоить.

– Ты освоишь любую, это точно. – В полумраке его улыбка показалась не ироничной, как обычно, а спокойной и даже какой-то печальной. Но печалиться ему было не о чем, так что это впечатление наверняка являлось лишь игрой теней. – Но все-таки странно.

– Что странного?

– Я думал, ты захочешь заняться бизнесом. У тебя для этого есть все данные.

– Я никогда не занималась бизнесом, – пожала плечами Вера. – Даже не знаю, какие для этого нужны данные. Хотя догадываюсь. – Она придвинулась поближе к Кириллу и поцеловала его. – Смотрю на тебя и догадываюсь.

– Ну, не только на меня. У тебя ведь и брат тем же занимается, – резонно заметил Кирилл.

Его рука при этом легла Вере на спину, и она почувствовала, как напряглись его мышцы, лишь только он ощутил ее спину под своей рукой. В том, что он хотел ее всегда и она тоже его хотела, заключалась особенная прелесть их отношений. Обоюдное влечение присутствовало во всем, что они делали вместе. И как же приятно было это знать! Даже не знать, а вот именно чувствовать: когда ты разговариваешь с мужчиной о простых житейских вещах, или сидишь рядом с ним в театре, или едешь в машине, или пьешь вино в ресторане, – все это время он тебя хочет, и ты отзываешься на его желание.

Вера с какой-то недоуменной брезгливостью вспоминала последние годы своей жизни с мужем. Это его равнодушие к ней, этот вялый супружеский секс полтора раза в месяц... Как она могла это терпеть, и даже не терпеть – как она могла к этому привыкнуть?

Впрочем, она о многом в своей прежней жизни думала теперь с недоумением. И ее желание преподавать английский в какой-нибудь маленькой группе – желание, показавшееся Кириллу таким странным, – было вызвано как раз тем, что она не хотела больше повторять ошибки прошлого. Никаких больше Аглай Звон с их высокомерными взглядами! Никаких офисных комнат с одинаковыми прозрачными клетушками!

– Преподавать очень даже интересно, – сказала Вера. – Ты просто не знаешь, потому говоришь. Люди хотят узнать что-то новое. Значит, им еще не стало скучно жить, и мне с ними поэтому хорошо.

– Это может значить прямо противоположное, – пожал плечами Кирилл. – Что им стало скучно жить, они от скуки не знают, куда себя девать, и пошли заниматься английским, чтобы хоть чем-нибудь себя занять.

– А все-таки у них глаза живые, – не согласилась Вера. – Я же помню, я после института на английских курсах работала. И мне очень даже нравилось.

– Думаешь еще раз войти в ту же реку? – спросил Кирилл. – Что ж, попробуй. Во всяком случае, опасности в этом никакой. – И добавил с улыбкой: – Если бы ты занялась бизнесом, то могла бы по неопытности влипнуть в какую-нибудь неприятную историю. А так я не буду о тебе беспокоиться.

– Я вообще не даю тебе повода беспокоиться обо мне.

Вера почувствовала, что ее глаза сверкнули в полумраке спальни загадочным огоньком. Она хотела, чтобы они сверкнули именно так, и это получилось у нее, как если бы ее глаза были огнивом, а желание – кресалом.

И на Кирилла это подействовало именно так, как она хотела. Он притянул Веру к себе – рука-то его уже лежала у нее на спине, ожидая момента, – и проговорил ей прямо в губы:

– У меня с тобой не беспокойство, а волнение. Ты расцветиваешь мою жизнь волнением. И мне это нравится.

«Еще бы! – подумала Вера. – Я-то знаю, чем тебя взбодрить».

Откуда она это знает, Вера и сама не понимала. Все-таки прежний опыт общения с мужчинами был у нее не самый обширный и, главное, не самый яркий. Но с той минуты, когда она поняла, что должна изменить свою жизнь, – с той минуты что-то всколыхнулось в ней, сдвинулось, и все ее действия стали безошибочными, точными, и глаза у нее заблестели ярче, чем вся пятизвездная сеть, которую ее брат Сашка разглядел в высоком ночном небе.

- Мне тоже, - сказала Вера. - Ты мне нравишься невероятно! Весь...

И через минуту он уже был с нею весь, и она была с ним - они занялись любовью с обоюдным удовольствием.

Глава 11

- Знаешь, Вер, мне кажется, им вообще нельзя в любви признаваться.

Алинка дернула острым плечиком и даже носом шмыгнула - видимо, от уверенности в своей правоте.

- Что значит - признаваться? - усмехнулась Вера. - Рыдать от переизбытка чувств, конечно, не стоит.

- Про рыдать вообще речи нет, - махнула рукой Алинка. - Но и ничего нельзя. Мужчины не должны даже догадываться, что их любят. Они от нашей любви киснут, как молоко на солнце. И перестают нас ценить. Неужели не замечала?

Вера это, конечно, замечала. Не то чтобы у нее скопился большой материал подобных наблюдений. Но и того, что она узнала замужем, было вполне достаточно. Теперь, оглядываясь на прожитые с Димой годы, она ясно видела ту границу своих с ним отношений, после которой он вот именно скис и стал относиться к ее присутствию в его жизни как к чему-то само собой разумеющемуся. Но согласиться с Алинкой в том, что это качество присуще всем мужчинам, она все-таки была не готова. А как же тогда Кирилл? От него-то она своих чувств не скрывает, но он ведь все равно ее ценит. Правда, она и ни разу не сказала ему о своих чувствах... Но разве для того, чтобы мужчина это понял, надо все называть словами?

- Ничего я про это не понимаю, - вздохнула она.

- А должна понимать, - наставительно заявила Алинка. - Иначе потеряешь своего миллионера. Или он у тебя миллиардер?

– Понятия не имею! – засмеялась Вера. – Я у него финансового отчета не требую.

– А у меня, – сразу вспомнила о своем Алинка, – постоянно финансовый отчет требуют. Кажется, только что годовой сдала – уже, бац, опять квартальный на носу!

Алинка была финансовым директором школы «Инглиш форевер», где Вера вот уже полгода работала преподавателем. Школа эта появилась в Москве недавно, но была очень солидная – настоящая английская, с историей, с сетью филиалов по всему миру, и владел ею британский сэр, которому она перешла по наследству. Вера даже удивилась, что ее взяли сюда на работу с таким перерывом в стаже, который образовался у нее, пока она мыла подъезды да пересказывала своими словами корявые авторские тексты для журнала «Индивидуальное предпринимательство». Но директор школы Владилен Максимович сказал, что испытательный срок она прошла блестяще, и дал ей приличную ставку.

Директор этот с самого начала показался Вере интересной фигурой. Он выглядел так рафинированно, что, разговаривая с ним, она с трудом сдерживала улыбку. Но при этом Владилен прекрасно владел искусством руководства людьми. И, что особенно обрадовало Веру, его представления об этом искусстве были прямо противоположны представлениям Аглаи Звон. Ежеминутно давать подчиненным понять, что все они ничто и звать их никак, – этого у него в заведении не было. Он знал другие способы не позволять людям садиться себе на голову и с успехом применял эти способы в руководстве школой.

– Мне особенно понравилось, Вера, – сказал он, сообщая, что решил взять ее на постоянную должность, – что в день знакомства вы не спросили, сколько будете получать. Причем я сразу понял, что вы не спросили об этом не от избытка денег, а лишь потому, что правильно понимаете: это не первый вопрос, который следует задавать, устраиваясь на работу.

«Почему это он понял, что у меня не избыток денег? – подумала Вера. – Вроде бы одета вполне прилично».

Но ни подтверждать его догадку, ни возражать ему она не стала, только мило улыбнулась. Владилен тут же улыбнулся ей в ответ и продолжил свою мысль:

– Когда человек на третьей минуте собеседования спрашивает: «А сколько я буду получать?» – я сразу понимаю, что имею дело с неисправимым совком. И сразу спрашиваю его: «А что вы будете делать?»

– И что он вам говорит? – спросила Вера.

Этот практикум руководителя очень ее заинтересовал.

– Обычно он говорит: «Я буду у вас работать», – сказал Владilen. – А я ему на это немедленно отвечаю: «Я буду вам платить». Нет, ну сами подумайте! Что значит работать? Что именно вы умеете, какова ваша квалификация, какая репутация у вас сложится, будут ли к вам стремиться ученики? Я же не могу назначить зарплату раньше, чем все это станет мне понятно! А в ваших замечательных качествах я уже убедился, – приятно улыбнулся он, завершая разговор. – Успешной работы, Вера.

И Вера стала работать, и работа ее была успешной.

Кроме того, она сразу перезнакомилась со всеми сотрудниками «Инглиш форевер», а с финансовым директором Алинкой Риджинской еще и подружилась. Вера даже удивлялась такой своей общительности. То есть, конечно, она никогда не была мизантропом, но общение с коллегами по «Индивидуальному предпринимательству» не доставляло ей ни малейшего удовольствия. Надо было пристойно вести себя с людьми, которых видишь каждый день, и она вела себя как положено, но и только. Такого, чтобы ей захотелось посидеть с кем-нибудь после работы в кофейне и поговорить о любви, вот как сейчас с Алинкой, на прежней работе она и представить себе не могла.

Видимо, общее настроение влияло на все проявления жизни. И настроение, охватившее Веру с момента знакомства с Кириллом, разбудило в ней интерес к миру и людям, который она считала уже утраченным.

Алинка же вообще казалась Вере личностью выдающейся – она просто любовалась ею. Внешность у Алинки была самая обыкновенная, даже, пожалуй, невыразительная: носик острый, глаза небольшие, близко поставленные, неопределенного серо-голубоватого цвета... И уши у нее были оттопырены, и рост невелик. Но держалась Алинка при этом так, как будто была бесспорной

красоткой. И, самое поразительное, все мужчины, которые становились объектами даже мимолетного ее внимания, именно таковою ее и считали!

Вот хоть сейчас: стоило ей только углядеть за соседним столиком симпатичного, как она его назвала, мужинку, и пожалуйста, он тут же оживился и стал бросать в ее сторону заинтересованные взгляды.

Алинке, впрочем, было не до него: она рассказывала Вере о своем только что завершившемся отдыхе в Италии.

- Шопинг там, ничего не скажу, насыщенный, - сообщала она. - Но цены - не прислониться! А я люблю, чтобы все было по пятьдесят евро. Ну ты скажи, разве сумка по сути своей может больше стоить? Она же сумка, а не авто! Нет, за понты пускай дураки платят. Так что я себе не очень-то и много прикупила. В один чемодан все уместилось. - И тут же вспомнила особенно яркое впечатление: - Ой, Вер, представляешь, пошли мы с девчонками на дискотеку. Ну, я там с девчонками познакомилась, две из Челябинска, одна из Киева и наша, московская. Прихожу, смотрю - мама дорогая! Вырядились, как тургеневские девушки. И стоят у стеночки - ждут, видимо, когда им Шуберта сыграют. Я им: девки, вы что? На дискотеку надо одеваться, чтобы одна часть тела была голая, а все другие сильно обтянутые. Тогда и от мужиков отбою не будет, и веселье пойдет!

Вера не выдержала и расхохоталась. С того момента, как она начала работать в «Инглиш форевер», уроки жизни сыпались на нее, словно из рога изобилия!

- А что ты смеешься? - Алинка скорчила смешную рожицу; Вера снова фыркнула. - Чистая правда.

- Чистая, - кивнула Вера. И добавила: - Весело с тобой. Даже жалко, что домой пора.

- Да вообще-то... - Алинка тоже взглянула на часы. - Сейчас мобильник включу.

- А зачем ты выключала? - не поняла Вера.

– А чтобы супруг не доставал. Он вчера простудился, на работу не пошел. Ну, ты же представляешь, что такое мужик с температурой тридцать семь и три. Ему же уже кажется, что он умирает. А я, соответственно, должна сутки напролет сидеть у его смертного ложа.

Она включила телефон, и он в самом деле немедленно разразился бодрой мелодией. Пока Алинка воркующим голосом объясняла супругу, что она стоит в пробке, сколько еще будет стоять, неизвестно, а что телефон не работал, так это она проезжала мимо здания ГРУ, в котором, всем известно, установлены ужасные глушилки, – Вера рассеянно смотрела в сияющее огромное окно на блестящую летними лужами улицу, и в голове у нее кружилась не вполне ясная, даже какая-то опасливая мысль.

«А если бы Кирилл заболел? – думала она. – Стал бы он звонить каждые пять минут? Хотел бы, чтобы я сидела у его кровати? А я? Я этого хотела бы?»

Нет, в том, что она стала бы сидеть у кровати Кирилла, если бы в этом, не дай бог, возникла необходимость, Вера не сомневалась. Но вот в том, что близость между ними так сильна, что это действительно было бы необходимо и ему, и ей, – в этом она сомневалась очень. И именно эта мысль неясно встревожила ее, вызвала опасливое недоумение.

Чем было ее чувство к Кириллу? Любовью? Вера вдруг поняла: да ведь она просто не знает, что это, собственно, такое, любовь. Было ли любовью то, что заставило ее когда-то выйти замуж за Диму? Ох, как она теперь в этом сомневалась! Так – возникло некоторое душевное оживление от того, что в ее жизни появился ухажер с серьезными намерениями. Оживление нарастало с каждым днем Диминого ухажерства и наконец стало таким сильным, что его и мудрено было не принять за любовь. Но вряд ли оно ею было...

Несколько мимолетных связей до замужества вообще были не в счет: любви в них не было и помину, это знала и Вера, и ее кратковременные мужчины.

Те часы, которые она провела с Алексеем Гайдамаком, Вера тоже не считала любовью. Она боялась вспоминать эти часы – они были слишком накалены, слишком непонятны и страшны по сути того, что с нею тогда произошло. Да и слишком давно все это было. Так давно, что как будто бы и не с нею.

И вот теперь она вдруг поняла, что не знает, чем же являются ее ровные, приятные отношения с Кириллом. Вера даже вздрогнула, настолько не по себе ей стало от этого, так странно пришедшего, понимания.

- Между прочим, Вер, почему тебе твой миллионер машину не купит? - спросила Алинка.

- Мне и брат сто раз предлагал, - пожала плечами Вера.

- Брата, наверное, в лишние расходы вводить не хочешь, - проницательно заметила Алинка. - С невесткой проблемы, да? Плавали, знаем. Ну и не надо, чтобы брат. А мужчинка пусть покупает.

- Я об этом как-то не думала, - сказала Вера.

- Почему? Боишься, что ли, машину водить?

- Не то что боюсь, но такие пробки везде. На метро быстрее.

- Пробки в Москве - объективная реальность, - наставительно сказала Алинка. - Они теперь будут всегда. Во всяком случае, на наш век хватит. Так что это не повод душиться в метро. И что тебе пробка? Она себе стоит, а ты себе в красивенькой машинке сидишь, музыку слушаешь, по телефону болтаешь, глазки подмазываешь. Поди, лучше, чем под землей с бомжами.

- Ну, в метро не только бомжи ездят, - улыбнулась Вера.

- Приличного мужчину там уже не встретишь, - заявила Алинка. - Разве что студента, так они нам без надобности. А которые постарше и приличные, давно за руль пересели, или вообще шофер их возит. Ты, кстати, обратила внимание, что в метро детей мелких практически не стало? А возить же их туда-сюда - ну, в поликлинику там, в кукольный театр какой-нибудь - не перестали. И о чем это говорит? Что нормальные родители считают: метро для детей неподходящее место. А себя мы должны холить и лелеять не меньше, чем детей, - заключила она. - Так что не сомневайся, Вер. Намекни кавалеру, что хочешь машинку. Судя по тому, что ты о нем рассказывала, возражений у него не возникнет.

В этом Вера тоже была уверена. Но ее так встревожила неожиданная и неясная мысль о собственном отношении к Кириллу, что простая и здравая мысль о машине не могла сейчас затронуть ее сознание. Она даже почти не поддерживала разговор, пока провожала Алинку до ее машины, нежно-зеленого новенького «Пежо».

Правда, Алинка не сразу заметила, что ее собеседница вдруг притихла. Она рассказывала о сумке, которую все-таки выискала за пятьдесят евро в Милане, притом в шикарном бутике на распродаже, о какой-то жутко модной книжке, которую написала обыкновенная офисная дамочка, но там такие страсти, такие страсти, Достоевский отдыхает. Потом она как-то незаметно перешла к разговору о том, как должна предохраняться современная женщина, и сообщила, что один очень толковый врач посоветовал ей «Мирену».

– Контрацепция без забот. Один визит к гинекологу, и пять лет никаких проблем. К тому же и критические дни протекают намного легче. Представляешь?

Тут Алинка наконец заметила Верин рассеянный вид и, наверное, чтобы ее порадовать, заговорила о том, что скоро во всех школах «Инглиш форевер», то есть во всем мире, ожидается повышение зарплаты.

– Если так и дальше пойдет, – засмеялась она, сообщив эту новость, – ты себе еще и сама машину купишь, без спонсора. Не «мерс», конечно, но на «корейку» хватит.

– По всему миру одновременно зарплату повысят? – спросила Вера.

Она спохватилась, что молчать все-таки неудобно. Но и болтать на темы любви ей тоже уже не хотелось. Поэтому практический вопрос оказался очень кстати.

– Ну да, – кивнула Алинка. – Мы же мировая сеть. Даже те школы, которые по франшизе работают, все-таки в общую дудку дуют. Знаешь, что такое франшиза?

Что такое франшиза, Вера, конечно, знала. Зря, что ли, два года отсидела в «Индивидуальном предпринимательстве»? И то, что бизнесмены, купившие франшизу у крупной компании, обязуются соблюдать в своей самостоятельной работе общие правила этой компании, она знала тоже.

- Я думала, это только к методикам относится, - заметила она.

- Не только, - объяснила Алинка. - Вот я недавно в командировку ездила, ростовскую нашу школу проверяла. Ее одной дамочке муж на день рожденья подарил. Чтобы она делом занялась. Между прочим, это правильно, - заметила она. - Салоны красоты женам все дарят, это уже не фокус. А английская школа - культурно, солидно, респектабельно. Да, так я у этой бизнес-леди всю отчетность проверяла.

- Но почему? - не поняла Вера.

- Потому что уровень должен сохраняться. Мы же не можем допустить, чтобы под нашей маркой какие-нибудь облезлые парты фигурировали. Положено, чтобы все путем: мебель определенной ценовой категории и даже определенных цветов, зарплата на высоте, компьютеры. В общем, пришлось дамочке попотеть, пока все наладила, - засмеялась Алинка. - Зато теперь она в Ростове самая уважаемая бизнес-леди.

- Интересно, - сказала Вера. - Я не знала.

В действительности же это было ей сейчас совсем неинтересно. Просто она умела держаться так, как считала нужным. Поэтому даже проницательная Алинка не заметила неискренности ее тона.

- А просто ты сама интересная, Вер, - заметила Алинка. - Потому тебе все интересно. Необычная ты какая-то. - И добавила удивленно: - А в чем, даже я не понимаю. И работаешь так, что воздух вокруг тебя звенит. Нет, ей-богу! - горячо закивала она, заметив, что Вера улыбнулась. - Ты себя, по-моему, не очень-то знаешь. Ни насчет работы, ни вообще.

- Может, не очень, - задумчиво сказала Вера. - Но что-то ведь знаю...

– Конечно, самое ужасное в нашем положении, – сказал Иннокентий, – это невозможность быть на фронте. Согласитесь, Игнат Михайлович, во время войны для мужчины это унижительно и просто неприлично. – И добавил с горечью: – Вряд ли я сумею простить им это. Я не настолько проникнут христианской моралью.

Игнат промолчал. По своей привычке говорить прямо обо всем, что его волнует, Иннокентий даже не заметил, что его слова не просто тяжелы, а мучительны для собеседника. Как болезненный упрек.

Впрочем, сердиться за них на Иннокентия было невозможно. И не из христианской снисходительности к человеческим слабостям. Слабость Иннокентия была уже нечеловеческой – с каждым днем она все более становилась слабостью в прямом, страшном смысле этого слова: он умирал. Может быть, туберкулез в такой же срок проявился бы и на самой легкой работе, и в теплушке, и в тюремной камере; установить это было теперь невозможно. Но после месяца работы на лесоповале болезнь эта не просто проявилась, а сразила Иннокентия напроочь.

И вот теперь он умирал в лагерьном лазарете. Это было очевидно не только для Игната, который заходил проведать его после работы, но и для него самого.

И весь он был в том, чтобы, находясь в нескольких шагах от смерти, сокрушаться о неприличии своего невоенного положения.

– Что же неприличного, Иннокентий Платонович? – сказал Игнат. – Вам теперь не воевать, а выздороветь надо. Успеете, навоюетесь еще. Не может же быть, чтобы они совсем ничего не соображали. На фронте люди понадобятся, вспомнят и про нас. Мы ведь не из последних...

Последние слова он произнес с такой глухой тоской, которой, как ни старался, не сумел удержать. Конечно, Иннокентий был прав! Большого унижения, чем теперь, Игнат не переживал никогда. Даже во время ночных допросов на Лубянке, когда чувствовал себя не человеком, а какой-то галлюцинирующей от бессонницы, размазанной по полу сапогами субстанцией. Даже во время этапа, когда им по нескольку дней не давали воды и приходилось сосать намерзшие на стенах теплушки, черные от копоти и грязи сосульки, которых на всех не хватало и за каждую из которых могли поэтому убить.

Невозможность делать то, что положено делать мужчине, когда идет война, была страшнее.

Но обсуждать это с Иннокентием было бы сейчас жестоко.

- О вас непременно вспомнят, я уверен, - кивнул Иннокентий. - Даже насколько я, совершенный дилетант в инженерном деле, могу судить, вы прекрасный специалист. Так что не изводите себя, Игнат Михайлович, - улыбнулся он. - Будет и на вашей улице праздник.

- На нашей, - поправил Игнат. - На нашей улице он будет.

Иннокентий не ответил. В комнате установилась тишина. Это была не обычная палата, а изолятор, и Иннокентий лежал здесь один. Конечно, эта привилегия была ему дана не из заботы о его здоровье, а лишь потому, что лагерное начальство не хотело возиться с большим числом туберкулезников, а потому старалось изолировать их в последний, самый тяжелый период болезни. Обычно этот период оказывался недолгим, смертники сменяли друг друга в изоляторе часто и особых хлопот, таким образом, не доставляли.

Игната, разумеется, не должны были бы сюда пускать из соображений этой же самой лагерной целесообразности. Но он отдавал санитару махорку из своей пайки, и тот позволял ему заражаться туберкулезом сколько угодно.

Лицо Иннокентия выделялось на серой лазаретской подушке такой смертной синевой, что непонятно было, откуда он берет силы, чтобы говорить. Игнат и не стал бы донимать его разговорами, но Иннокентий так радовался его появлению и так охотно разговаривал с ним сам, что было бы отвратительным ханжеством удерживать его от этого ради какой-то мифической экономии сил. Понятно же, что экономить их уже незачем.

Иннокентию это было понятно тоже.

- Да, наверное, - кивнул он. - Даже безусловно, будет праздник и на моей улице. И, знаете... - Его глаза блеснули каким-то детским блеском. - Мне чрезвычайно любопытно узнать, каков он будет... Но не стоит об этом, - оборвал он себя. - Расскажите что-нибудь, Игнат Михайлович, - попросил Иннокентий. И тут же спохватился: - Если, конечно, вас это не слишком затруднит.

– С чего это меня затруднит? – пожал плечами Игнат.

– Ведь вы страшно устали за день, – печально сказал Иннокентий. – Я это прекрасно понимаю. Вы не можете себе представить, как я вам благодарен за то, что вы здесь. – Виноватая улыбка как тень тронула его губы. – Видите, я так и не сумел избавиться от эгоизма.

«Эгоизм! – с тоской подумал Игнат. – Да если б не ты, совсем бы хоть в петлю».

А вслух сказал:

– Что же рассказать, Иннокентий Платонович?

– Да что угодно! – В голосе Иннокентия на мгновение возникло то же детское любопытство, которое только что блеснуло во взгляде. – Вы необыкновенный рассказчик, знаете вы об этом?

– Так-таки необыкновенный! – хмыкнул Игнат.

– Именно необыкновенный! – со всей горячностью, на какую у него достало сил, подтвердил Иннокентий. – Конечно, вы не говорливы. Но это же вот именно оттого, что не страдаете пустым словоблудием. От внутренней содержательности! И это же ваше качество позволяет вам быть интереснейшим рассказчиком. Потому что вы говорите только о главных вещах.

В его словах не было ни грана лести. Он всегда говорил только то, что думал. Но голос его становился все тише, дыхание – все затрудненнее. И лучше было бы, чтобы он отдохнул сейчас молча.

– Расскажите... о вашем детстве, – словно прорываясь сквозь это свое затрудненное дыхание, проговорил Иннокентий. – Как интересно было бы... составить ваше генеалогическое древо... Наверное, обнаружилось бы родство... с вашим знаменитым земляком...

Он закрыл глаза и затих, но по лицу его Игнат видел, что он слушает внимательно.

– Родство-то, может, и есть, только дальнее очень, – сказал Игнат. – Ломоносовых по всему Поморью немало. У нас в Колежме, кроме нашей, две семьи еще было.

– Большие семьи? – не открывая глаз, спросил Иннокентий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/berseneva_anna/krasavica-nekstati

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)